АГАТА

КРИСТИ

·КАРТЫ НА СТОЛ·

ДЖЕЙМС

ЧЕЙЗ

·ЗАПАДНЯ·

Москва, 1991

ЗАПАДНЯ

Глава 1

Когда однажды июньским утром двери тюрьмы распахнулись передо мной, дождь лил как из ведра.

Странное это чувство — идти куда душа пожелает, по крайней мере для меня, просидевшего взаперти три с половиной года. Я отошел в сторону от тяжелых ворот и остановился, наслаждаясь свободой. Домой мне пока не хотелось. Было приятно стоять здесь, на краю тротуара, и ощущать на лице прохладные струйки дождя.

Капли сбегали по моему старому пальто, падали на костюм, срываясь с неба, такого же хмурого и сердитого, как я сам.

Сверкающий «бьюик» бесшумно остановился рядом со мной, и переднее окошко опустилось.

— Гарри! — Дверца открылась, когда я склонился к окошку, чтобы разглядеть сидевшего за рулем мужчину.— Садись, ты же совсем промокнешь!

Секунду я колебался, затем сел на переднее сиденье. Джон Реник с улыбкой схватил мою руку и крепко пожал ее. Его загорелое худощавое лицо выражало откровенную радость.

— Как дела, каторжник несчастный? — спросил он.— Как чувствуешь себя на свободе?

— Все в порядке,— ответил я.— Не думал только, что полиция выставит мне почетный караул...

Джон перестал улыбаться, его серые проницательные глаза скользнули по моему лицу.

— Не ожидал, что я приеду, а? А я ведь минуты считал...

— Ничего я не ожидал.— Окинув взглядом кабину, я спросил: — Это чудо — твое?

— Да, купил пару месяцев тому назад. Хороша,

не правда ли?

— Видно, неплохо живется полицейским в Палм-Сити. Поздравляю.

Джон нахмурился.

— Знаешь, Гарри, если бы такую фразу сказал кто-либо другой, я дал бы ему по морде.

— Бей, если хочешь,— пожав плечами, ответил я.— Мне не привыкать получать затрещины от полицейских.

Он вздохнул и, немного промолчав, сказал:

— К твоему сведению, я перешел на работу в окружную прокуратуру, где мне платят гораздо больше.

Я невольно смутился и пробормотал в замешательстве:

— Извини, пожалуйста, я не знал...

— Конечно, как ты мог узнать об этом.— Джон улыбнулся и завел мотор.— Многое изменилось с той поры, как ты попал за решетку. Старая шайка гангстеров бесследно исчезла; у нас сейчас новый окружной прокурор, парень что надо.

Я промолчал.

— Что ты намерен делать? — продолжал Джон.

— Пока не знаю. Надо немножко осмотреться. Ты в курсе, что из «Геральда» меня вышвырнули?

— Да.— Джон помолчал немного.— Трудновато тебе придется на первых порах.

— Несомненно. Когда убивают полицейского, пусть даже нечаянно, этого никогда не прощают.

— С полицией у тебя не будет никаких неприятностей. Я не это имел в виду. Тебе нужно найти другую работу. Куббит пользуется здесь большим влиянием, он сделает все возможное, чтобы не допустить тебя к журналистской работе.

— Посмотрим.

— Может быть, я смогу тебе помочь.

— Мне не нужна помощь ни от кого.

Последовала долгая пауза. Сквозь бегущие по ветровому стеклу струйки дождя Джон пристально всматривался в набегавшую ленту дороги. Затем он снова заговорил:

— Послушай, Гарри, мы с тобой старые друзья. Понимаю твое состояние, но ты не должен ставить меня в один ряд с теми, кто причинил тебе столько неприятностей. Я говорил о тебе с Медоузом; это наш

новый окружной прокурор. Не исключена возможность, что он возьмет тебя к себе.

— Не стану работать в гражданской администрации Палм-Сити, даже если буду подыхать с голоду.

— Нине пришлось тяжело,— в замешательстве проговорил Джон.

— Мне тоже досталось; следовательно, мы квиты.

— Ладно,— махнув рукой, ответил он.— Не думай, что я не понимаю тебя, Гарри. На твоем месте я тоже разозлился бы на весь мир за то, что кто-то подтасовал факты и засадил тебя в тюрьму. Но что было, то прошло. А сейчас нужно думать о будущем...

Из окошка машины я смотрел на море, мрачное и серое под струями дождя.

— Согласен: я зол на весь мир. В тюрьме у меня было достаточно времени, чтобы понять, как глупо я поступил. Нужно было взять эти десять тысяч долларов у начальника полиции и держать язык за зубами.

— Ты говоришь так со злости,— резко возразил Джон.— А в душе знаешь, что поступил тогда правильно. Если бы ты принял взятку от этой скотины, то совесть мучила бы тебя всю жизнь.

— Ты так думаешь? Совесть... Три с половиной года я просидел в одной камере с мерзавцем, который изнасиловал девочку, и с двумя гангстерами, при виде которых стошнило бы даже свинью. Такое может изменить чей угодно характер.

Реник заерзал на сиденьи.

— Нельзя так рассуждать, Гарри. Ради бога, постарайся взять себя в руки перед встречей с Ниной.

— Лучше бы ты не лез в чужие дела! — взорвался я.— Нина — моя жена, и я сам позабочусь о ней.

— По-моему, ты поступил неправильно, запретив ей присутствовать на суде, приходить в тюрьму и даже писать тебе. Она хотела быть рядом с тобой, а ты отстранил ее от всей этой истории.

— По-твоему, было бы лучше, если бы в зале суда на нее накинулись эти шакалы-фоторепортеры? Было бы лучше, если бы она видела меня в полосатой куртке, сквозь решетку? Чтобы директор тюрьмы читал все ее письма перед тем, как передать их мне? Да, с начальником полиции я вел себя глупо, но совершенно незачем было впутывать в эту историю Нину.

Мы приближались к Палм-Бэй: роскошные купальные кабины проплывали мимо, опустевшие и унылые

под дождем. На пляже, естественно, не было ни души. На стоянках у фешенебельных гостиниц застыли обычные «кадиллаки», «роллс-ройсы» и «бентли».

В прошлом Палм-Бэй был заповедником, где я охотился. Мне казалось, что прошли целые века с тех пор, когда я работал светским хроникером «Геральда», самой многотиражной газеты Калифорнии. Довольно скоро мои статьи начали перепечатывать сотни мелких газет, и я стал прилично зарабатывать. Жил я на широкую ногу, работа моя мне нравилась. Потом я женился на Нине, мы купили бунгало неподалеку от Палм-Бэй. Все шло хорошо, и мне уже казалось, что я нашел свое место в жизни, когда однажды вечером, в одном из баров, я невольно услышал отрывок разговора между двумя незнакомцами, которые выпили сверх меры и обсуждали свои дела слишком громко.

Эти несколько слов привели меня на дорогу, опасную, как вулкан в стадии извержения. Два месяца я вел тщательное тайное расследование и выявил такие факты, о которых можно было неделями рассказывать на первой странице «Геральда». Шайка гангстеров из Чикаго решила овладеть Палм-Сити. Они хотели устроить здесь игорные притоны, автоматические бильярды и все другое, свойственное организованному пороку. Месячный доход от всего этого должен был составлять около двух с половиной миллионов долларов.

Сперва я думал, что гангстеры просто сошли с ума. Мне казалось невозможным среди бела дня овладеть целым городом и делать с ним все, что угодно. Но потом я обнаружил, что начальник полиции и несколько видных чиновников муниципалитета были подкуплены и обещали гангстерам необходимое покровительство. И здесь я допустил непростительную ошибку, решив самолично вести дальнейшее расследование. Мне хотелось стать автором крупнейшей газетной сенсации. Я собрал все необходимые доказательства, набросал черновики статей и отправился к Мэттью Куббиту, владельцу «Геральда».

Я рассказал ему все, и он внимательно выслушал меня с каменным выражением на сером худощавом лице. Его холодность и необъяснимая сдержанность должны были насторожить меня. Но, докопавшись до многих фактов, я, оказывается, узнал не все. Шай-

ка гангстеров купила также «Геральд». Позднее я узнал, что они пообещали Куббиту кресло сенатора в обмен на лояльность.

В заключение нашей беседы Куббит попросил меня принести ему весь собранный материал для проверки.

По дороге домой меня остановила полицейская машина, сидевший в ней агент пригласил меня к начальнику полиции. Так состоялась моя встреча с этим боссом. Это был решительный и властный человек. Без лишних слов он выложил передо мной на стол десять тысяч долларов в новеньких купюрах и поставил условие: если я отдам ему досье и прекращу дальнейшее расследование, деньги будут мои.

Не считая того, что никогда еще в жизни я не продавался и не собирался становиться на этот путь в данный момент, я был уверен, что мои статьи об этой истории произведут настоящий фурор и прославят меня как журналиста на всю страну. Словом, я встал и молча вышел из кабинета, чтобы броситься, как оказалось потом, прямо в волчью пасть.

Я привез досье Куббиту, а заодно рассказал ему о взятке, которую предложил мне начальник полиции. Прикрыв глаза, он выслушал меня и попросил заехать к нему в этот же вечер, в половине одиннадцатого. К этому времени он обещал проверить собранный материал и мы должны были решить, как лучше начать разоблачительную кампанию.

Из дома я выехал часов в десять и направился к резиденции Куббита. Нина была в курсе всех этих дел, она очень переживала за меня; я тоже ощущал какое-то смутное беспокойство, но успокаивал себя надеждой на поддержку Куббита.

Куббит жил в Палм-Бэй, чтобы добраться до его дома, нужно было проехать по безлюдной проселочной дороге, на которой и произошло несчастье. Но кто мог предусмотреть это? Полицейская машина появилась внезапно и на большой скорости помчалась мне наперерез. Очевидно, они хотели врезаться в мою машину, столкнуть ее в море, но замысел их не удался. При сильнейшем ударе сидевший за рулем полицейский был смертельно ранен, а оставшийся невредимым его товарищ, арестовал меня за «опасную езду». Я понимал, что против меня хотят сфабриковать дело, но не мог помешать этому. Через несколько минут на другой полицейской машине приехал сержант Бэйлис

из отдела по расследованию убийств. Что делал Бэйлис в этот поздний час на пустынной проселочной дороге? Сержант принял на себя руководство операцией: раненый полицейский был срочно направлен в больницу, а меня повезли в полицейское управление. По пути Бэйлис приказал водителю остановиться в темном безлюдном переулке. Меня вытолкали из машины, полицейский заломил мне руки за спину, а Бэйлис вылил бутылку виски на мое лицо и рубашку. Затем Бэйлис вытащил дубинку и привычным ударом по затылку усыпил меня.

Я пришел в себя в тюремной камере, и с этого момента дела пошли все хуже и хуже. Раненый полицейский умер. Суд приговорил меня к четырем годам тюрьмы за убийство полицейского. Мой защитник сражался, как лев, но ничего не добился.

Куббит под присягой заявил, что никогда в глаза не видел собранное мною досье и что он вообще собирался уволить меня за пьянство и непригодность.

И вот теперь, просидев три с половиной года в тюремной камере, я снова оказался на свободе. Всю жизнь я занимался журналистикой, не имея никакой другой профессии. Куббит выступил публично против меня, это означало, что мне не удастся найти работу по специальности. Нужно искать какое-то другое занятие, а какое — я не знал.

— Как моя жена? — спросил я Реника.

— Все в порядке. Она открыла в себе некоторый талант художника и последнее время раскрашивала разные изделия из керамики.

«Бьюик» выехал на дорогу, ведущую к моему дому. При виде бунгало комок подкатил у меня к горлу. Реник затормозил машину у калитки.

— До встречи! — сказал он, пожимая мне руку.— Ты счастливчик, Гарри. Хотел бы я, чтобы меня кто-нибудь ждал так, как ждала тебя Нина.

Я вышел из машины и, не оглядываясь по сторонам, направился по аллее к дому. Распахнулась дверь, на пороге появилась Нина.

На рассвете седьмого дня после моего возвращения я внезапно проснулся. Мне приснилось, что я снова в тюрьме, потребовалось несколько секунд, чтобы вер-

нуться к действительности.

Лежа на спине, я уставился в потолок, спрашивая себя уже, наверно, в сотый раз о том, чем же я буду зарабатывать на жизнь. Как и следовало полагать, ни одна из редакций не осмелилась взять меня на работу. А больше я ничего делать не умел.

Я посмотрел на Нину. Мы поженились за два года до того, как меня арестовали. Тогда ей исполнилось 22, а мне 27. У моей жены были черные волосы и кожа цвета слоновой кости. Классической красотой она не обладала, но клянусь, я не встречал более привлекательной женщины. Разглядывая ее спящую, я понял, сколько ей пришлось вытерпеть за последнее время. Вокруг глаз уже лучились морщинки, а в уголках губ появилась усталая складка, которой раньше не было.

Действительно, ей не сладко пришлось. В момент ареста на моем счете в банке лежало три тысячи долларов, но после выплаты гонорара адвокату и последнего взноса за бунгало от них почти ничего не осталось, и Нина была вынуждена искать себе работу. Она сменила несколько мест, пока, наконец, не нашла какого-то типа, который мастерил различные изделия из керамики для продажи туристам. Вот уже почти год она зарабатывала по шестьдесят долларов в неделю.

На моем счете осталось всего лишь двести долларов. Когда они кончатся, придется просить у жены деньги на автобус и сигареты. Накануне, в приступе отчаяния, я обошел весь город в поисках любой работы. Но я был слишком известен в Палм-Сити, чтобы получить какую-нибудь черную работу. Те, кто искали, к примеру, дворника, приходили в замешательство:

— Вы шутите, мистер Барбер! Эта работа не для вас.

А я не имел смелости ответить, что сижу на мели, и они облегченно вздыхали, когда я отпускал какую-нибудь остроту и отчаливал.

Самоунижение терзало меня. Будь я в то время чуть решительнее, я продал бы бунгало, забрал Нину и отправился в другие края, чтобы начать там новую жизнь. А я оставался в городе, который не мог предложить мне ничего хорошего, в поисках несуществующей работы и в роли святого мученика.

Последующие десять дней я продолжал охотиться за призрачной работой. Нине я говорил, что трачу

на поиски целый день, но это была неправда. После пары отказов я забивался в какой-нибудь бар и прикладывался к стаканчику. Раньше я никогда не пил помногу, но постепенно заметил, что после приличной выпивки угрызения совести уже не так остро мучили меня. Я обнаружил также, что в состоянии опьянения гораздо легче рассказывать Нине всякие басни.

Но лгать постоянно — немыслимо. Вскоре я стал замечать, что Нина прекрасно понимает, когда я принимаюсь врать. Она делала вид, что верит мне, и совершала ошибку. Ей нужно было развенчать? мой блеф и постараться вырвать меня из этого мира несбыточных мечтаний, но у нее не хватало решимости. И я продолжал пить, лгать и ничего не делать.

И вот однажды, когда я сидел в одном из баров на берегу моря, началась история, о которой я и хочу вам рассказать.

Было часов шесть вечера, а я уже основательно нагрузился. К этому времени я пропустил восемь порций виски и ожидал девятую. Бар был небольшой, спокойный и почти всегда полупустой. Мне нравилось здесь. Часами я мог сидеть в уголке и наблюдать за людьми, которые развлекались на пляже. Вот уже пять дней я регулярно приходил сюда. Лысый толстяк бармен стал узнавать меня. Казалось, он понимал мою потребность в выпивке. Едва я приканчивал один стаканчик виски, как он тут же подносил мне другой. Вот и сейчас он подошел ко мне с девятой порцией, поставил на стол стаканчик и остановился в ожидании. Пришла пора расплачиваться. Я протянул ему последнюю пятидолларовую бумажку, он понимающе улыбнулся и отсчитал сдачу. Мне ужасно захотелось дать ему по морде, но вместо этого я взял деньги и судорожно стал отыскивать монетку, чтобы дать ему на чай. Но бармен насмешливо усмехнулся и, шаркая подошвами, вернулся за стойку. Только теперь я понял, каким забулдыгой он меня считает, и мне стало стыдно, так стыдно, что впору броситься под первую попавшуюся машину... но для этого требовалось иметь мужество, а его я целиком оставил в камере номер сто четырнадцать.

В этот момент в бар вошла женщина. Она направилась к кабине телефона, которая находилась как

раз напротив моего столика, и закрыла за собой дверь. На ней был желтый свитер и белые брюки. Зеленые дымчатые очки скрывали глаза, в руках она держала модную сумочку бело-желтой расцветки. Женщина привлекла мое внимание, тем более, что со вкусом подобранный наряд плотно обтягивал ее изящную фигуру. При виде ее расчетливо соблазнительной походки не то что пьяницы, но даже уважаемые джентльмены стали бы таращить глаза.

Я беззастенчиво уставился на нее. Когда наиболее интересная часть ее анатомии скрылась за дверью кабины, я поднял глаза и принялся рассматривать ее лицо. На вид ей можно было дать лет тридцать. Белокурые волосы обрамляли привлекательное лицо с тонкими, несколько холодными чертами.

Я выпил свое виски и продолжал наблюдать за ней. Очки, скрывая ее лицо, мешали мне определить характер беседы. Разговор длился меньше минуты. Затем женщина вышла из кабины и прошла мимо, даже не удостоив меня взглядом. Я стал гадать, кто же она такая. Дорогая одежда, изящной расцветки сумочка, которую не купишь в простом универмаге...

Сумочка! Женщина вошла в телефонную кабину с сумочкой, но когда вышла, в руках у нее ничего не было.

Я был настолько пьян, что соображал с трудом. Наморщив лоб, я пытался собраться с мыслями. Входя в кабину, женщина держала сумочку в правой руке, но я отчетливо помнил, что когда она вышла, руки ее были пусты.

Дрожащей рукой я зажег сигарету. «Ну и что? — сказал я себе.— Может быть, я просто не заметил сумочку, когда она выходила».

Неожиданно желтая с белым сумка превратилась для меня в предмет первостепенной важности.

Пошатываясь, я поднялся из-за стола и направился к телефонной кабине. Сумка лежала рядом с телефоном.

«Порядок, старина,— сказал я себе.— Ты оказался на высоте и сразу же заметил, что она забыла сумку. Ты можешь много выпить и не опьянеть. Градусы не берут тебя!»

«Теперь,— продолжал я размышлять,— нужно открыть сумку и узнать, кому она принадлежит. Потом я покажу ее бармену и объясню, что мисс... Надо ему обязательно сказать, не то на улице любой полицейский может задержать меня, если увидит с дамской сумочкой в руке... Потом я пойду прямо домой к этой мисс и, кто знает, может быть, получу в награду что-нибудь большее, чем поцелуй...»

Да-да, до такой степени я был пьян. Я вошел в кабину и притворил за собой дверь. Взяв сумку, я открыл ее, бросив тем временем быстрый взгляд в зал. «Бывший заключенный Барбер не должен рисковать»,— подумал я. Но никто не обращал на меня внимания.

Я повернулся спиной к двери, прижал трубку плечом к уху и принялся шарить в сумке.

Там лежал золотой портсигар, золотая зажигалка, бриллиантовая брошка стоимостью примерно в полторы тысячи долларов, водительские права и тугой сверток ассигнаций — около двух тысяч долларов.

При виде денег я даже вспотел от волнения. Портсигар, зажигалка и брошь меня не интересовали: их слишком легко можно опознать. Но деньги буквально околдовали меня. Имея в кармане такую кучу денег, мне не придется просить у Нины по пять долларов ни завтра, ни послезавтра... никогда. До того, как они кончатся, я смогу найти себе работу, даже если буду пить двадцать четыре часа в сутки.

Я был пьян и подавлен. «Если эта богачка настолько глупа, чтобы забыть такие деньги, то так ей и надо»,— думал я.

А где-то в глубине моего сознания чуть слышный далекий голос, который еще принадлежал мне, повторял без конца: «Ты с ума сошел? Ведь ты собираешься украсть! Брось эту проклятую сумку и беги прочь! Что на тебя нашло? Хочешь получить еще лет десять тюрьмы?»

Но голос этот был слишком далек, чтобы произвести на меня должное впечатление. А деньги лежали прямо передо мной! И я взял их. Сунул в карман пачку ассигнаций и закрыл сумку. Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди и чувствовал я себя тем, кем был на самом деле: вором.

В зеркале кабины, висевшем над телефоном, я заметил какое-то легкое движение и поднял глаза. Женщина стояла по ту сторону двери и внимательно

смотрела на меня. Свет отражался в ее очках, которые казались в зеркале двумя зелеными фарами.

Глава 2

Необычайная ясность мысли вернулась ко мне. Пары виски рассеялись в одно мгновенье. Сейчас женщина позовет бармена, затем появится полицейский... Я погиб.

Она тихонько постучала в стекло кабины. Я положил сумку на столик и, обернувшись, открыл дверь.

— Кажется, я забыла здесь свою сумочку...— начала женщина.

— Совершенно верно,— ответил я.— Я как раз собирался отдать ее бармену.

«Пожалуй, мне следует бежать отсюда как можно быстрее, прежде чем она обнаружит пропажу денег,— лихорадочно соображал я.— По дороге я смогу выбросить их, и она не докажет, что я их взял». Я сделал шаг вперед и остановился как вкопанный. К кабине подходил бармен, отрезая мне путь к отступлению.

— Этот человек пристает к вам? — спросил он незнакомку.

Она обернулась, сохраняя полнейшее хладнокровие.

— Нет, нет, что вы? Я забыла в кабине сумочку, и этот господин как раз собирался вручить ее вам.

— Вот как! Ну, что же, раз вы так говорите...

Я замер, как истукан. Во рту у меня так пересохло, что я не мог бы произнести ни слова, даже если знал бы, что сказать.

— В сумочке было что-нибудь ценное? — настаивал бармен.

— Да, я просто совершила глупость, забыв ее.

— Может быть, вам лучше проверить, все ли на месте.

Я прикинул, смогу ли ударом кулака сбить его с ног и выбраться из этой западни, но потом решил воздержаться. По виду бармена сразу можно было определить, что он — не новичок в драках и справиться с ним будет совсем не просто.

Сердце замерло в моей груди, когда женщина с невозмутимым видом принялась шарить в своей сумочке. Бармен тяжело дышал, время от времени бро-

…на меня враждебные взгляды. Наконец, она подняла глаза. «Приехали»,— подумал я.

— Все на месте,— объявила она и повернулась ко мне.— Очень вам признательна. Я такая рассеянная...

Я не дышал. Бармен натянуто улыбался.

— Значит, все в порядке?

— В полном порядке. Нужно отметить это событие. Позвольте предложить вам стаканчик виски, мистер Барбер!

Вот как? Она знала, кто я такой?

Металлическая нотка в голосе незнакомки предупреждала, что мне следовало принять приглашение.

— Как-то неудобно, но... раз уж вы так желаете...

Женщина направилась к моему обычному столику и села. Я занял место напротив.

— Какое впечатление производит на вас свобода после тюремной камеры? — спросила она, угостив меня сигаретой.

— Довольно приятное.

— Кажется, вы покончили с журналистикой?

— Как видите.

Она внимательно разглядывала лед в своем стакане.

— Я несколько раз видела, как вы заходили сюда. Такие частые посещения бара означают, что вы еще не нашли себе работу?

— Совершенно верно.

— Есть надежда, что вы скоро устроитесь?

— Есть.

— Очевидно, это не так легко?

— Трудно.

— Вы заинтересовались бы, если бы я предложила вам работу? — Я недоуменно посмотрел на нее.

— Ничего не понимаю. Вы хотите предложить мне работу?

— Может быть. Вас это интересует?

— Что я должен буду делать?

— Это будет высокооплачиваемая секретная работа с небольшим процентом риска.

— Что-нибудь незаконное.

— О, нет. Эта работа совсем особого рода.

— Вы упоминали о каком-то риске. Я готов на любую работу, но сначала должен узнать, в чем она будет заключаться.

— Сейчас я тороплюсь, и, кроме того, это место не совсем удобно для такого разговора. Могу я позвонить

вам и назначить встречу?

— Мою фамилию вы найдете в телефонном справочнике.

— Тогда я вам позвоню завтра, в одиннадцать. Вы будете дома?

— Непременно.

— Ну, что ж... Надо рассчитаться.— Женщина открыла сумочку и вдруг нахмурилась.

Я вытащил из кармана пачку кредиток и бросил перед ней.

— Спасибо.— Она положила пятидолларовую бумажку на стол, сунула остальные деньги в сумку и встала.— Итак, до завтра, мистер Барбер.

Я проводил ее взглядом. Она села в роскошный «роллс-ройс» серебристого цвета, я запомнил номер машины.

Через несколько минут я тоже вышел из бара, пересек улицу и зашел в местный филиал автомобильного клуба, где отыскал моего старого знакомого Эда Маршалла. Когда я работал в «Геральде», мне приходилось сотрудничать с ним. Многие мои, с позволения сказать, приятели тщательно избегали меня после этой истории, но Эд мне искренне обрадовался. Он всегда был хорошим парнем, этот Эд!

— Как дела, старик? — приветливо воскликнул он.

— Потихоньку привыкаю к свободе.

Минут десять мы болтали о том о сем, потом я спросил:

— Скажи, кому принадлежит серебристый «роллс-ройс» под номером САК-1?

— Это машина мистера Мальрука.

В первый момент это имя ничего мне не сказало, но потом я вытаращил глаза:

— Ты имеешь в виду Феликса Мальрука?

— Совершенно верно.

— Как он очутился в Палм-Бэй? Ведь он живет в Париже.

— Пару лет тому назад он переехал сюда и купил здесь участок земли.

Сердце лихорадочно заколотилось в моей груди, я с большим трудом пытался сохранить внешнее спокойствие.

— Подожди, о том ли человеке мы говорим? Я имею в виду короля цинка и меди, одного из богатейших людей мира.

— Это он и есть. Но при всех его деньгах я не хотел бы оказаться на его месте.
— Что с ним?
— Рак легких. Безнадежен.
— Бедняга. Итак, он переехал сюда?
— Да, купил поместье на Лидо Ориентале. Собственный причал, пляж, бассейн — настоящий рай.
— А «ройс», значит...
— Одна из десяти его автомашин.
— Что за женщина на ней ездит? Я не разглядел ее толком. Блондинка, носит зеленые очки.
— Это, должно быть, супруга.
— Жена Мальрука? Но она выглядит довольно молодо. А ему ведь под семьдесят? Я слышал о нем еще в детстве.
— Он женился недавно. Познакомился с ней в Париже. Кинозвезда или что-то в этом роде. В «Геральде» подробно расписали всю эту историю.
— У него есть дочь?
Маршалл щелкнул пальцами.
— Еще какая! Дочка от первого брака. Она еще девчонка, но стоит взглянуть, что она из себя представляет.— Он подмигнул лукаво.
— Я считал тебя солидным женатым человеком!
— А я и есть такой. Но ты должен увидеть Одетту Мальрук!
— Постараюсь,— улыбнулся я.— Ну, ладно, мне пора, уже поздно.
— Может быть, тебе нужна временная работа, Гарри? — смущенно проговорил Эд.— С завтрашнего дня мы нанимаем проворных парней, которые будут помогать нам при учете автомобильного движения. Полсотни в неделю, сроком на десять дней. Как ты на это смотришь?
— Спасибо, Эд, я уже устроился. Но все равно спасибо, дружище.
В автобусе, по дороге домой, я продолжал размышлять над тем, что рассказал Эд. Жена одного из богатейших людей мира предлагала мне работу.

На следующее утро я отправился в архив «Геральда» и довольно быстро нашел нужные мне сведения: Феликс Мальрук женился на киноактрисе Рее Пассари через пять месяцев после смерти первой же-

ны. Спустя неделю после их знакомства он предложил ей вступить в брак, и она дала согласие. Было ясно, что Рея выбрала не Мальрука, а его состояние.

Я вернулся домой и стал ждать звонка. На мое счастье, Нина поехала отвозить свою керамику: я пока ничего не хотел говорить ей.

Звонок раздался ровно в одиннадцать.

— Мистер Барбер?

— Да.

— Мы с вами виделись вчера, помните?

Я решил слегка удивить ее.

— Совершенно верно, миссис Мальрук, в Джой-баре.

Попытка моя удалась. После длительной паузы она спросила:

— Вы знаете Лидо Ориентале, где находятся самые дорогие купальные кабины?

— Да.

— Снимите одну из них, крайнюю слева. Мы встретимся там сегодня в девять часов вечера.

— Хорошо.

Снова последовала небольшая пауза.

— Сегодня, в девять вечера,— повторила она и повесила трубку.

Без трех минут девять я уже был на Лидо Ориентале, где еще утром забронировал нужную кабину. Сторож оставил мне ключ под ковриком у входной двери. Кабина была оборудована установкой для кондиционирования воздуха; радио, телевизор, телефон и бар дополняли обстановку. Состояла кабина из гостиной, спальни, душевой и маленькой кухни. Я выключил кондиционер, открыл окна и уселся в бамбуковое кресло, стоявшее на веранде. Через полчаса, когда я уже совсем решил, что она не придет, на веранду из окружающей темноты шагнула Рея Мальрук.

— Добрый вечер, мистер Барбер,— и прежде чем я успел пошевелиться, она уселась в соседнее кресло.

— Я многое знаю о вас,— начала она.— Человек, который не продался за десять тысяч долларов и объявил войну шайке гангстеров, должен обладать достаточным мужеством. А я как раз ищу храброго человека.

Я промолчал. Рея закурила сигарету. Я почти физически чувствовал, как в темноте она внимательно разглядывала меня.

— Вы не боитесь рисковать, мистер Барбер?
— Как вас понять?
— Взяв деньги из моей сумки, вы могли получить шесть лет тюрьмы.
— Я был пьян.
— Так вы готовы идти на риск?
— Зависит от суммы. Мне нужны деньги, и я не стыжусь сказать вам об этом. Я готов заработать их, но не собираюсь рисковать за какие-то гроши.
— Если вы сделаете то, что я вам скажу, то получите пятьдесят тысяч долларов.
— Что вы сказали? Пятьдесят тысяч...
— Да. Кругленькая сумма, не так ли?
Сердце у меня застучало как молоток.
— И что вы хотите за это?
— Мне кажется, что вы заинтересовались, мистер Барбер. Готовы ли вы пойти на риск ради такой суммы?
— На любой риск...
Я подумал о том, что можно сделать на пятьдесят тысяч долларов. Уехать из Палм-Сити. Начать с Ниной новую жизнь...
— Прежде чем продолжать, мистер Барбер, хочу предупредить, что лично у меня денег нет, кроме определенной месячной суммы, которую дает мне муж на мелкие расходы.
— Если у вас нет денег, то как вы можете предлагать мне пятьдесят тысяч долларов?
— Я могу научить вас заработать их.
Я пристально посмотрел на нее, но она выдержала мой взгляд.
— А как я их заработаю?
— Мне и моей падчерице в течение двух недель нужно получить четыреста пятьдесят тысяч долларов. Если вы поможете нам достать их, мы дадим вам пятьдесят тысяч.
Я еще раз внимательно посмотрел на нее и пришел к выводу, что она не похожа на сумасшедшую. Напротив, я никогда не видел более рассудительной женщины.
— Зачем вам нужно столько денег?
— Ловко вы узнали, кто я такая,— сказала она вместо ответа.
— С таким «ройсом» это узнал бы ребенок. Но вернемся к делу: как мы добудем такие деньги?

— Моя падчерица будет похищена,— спокойно ответила она.— Выкуп составит полмиллиона. Пятьдесят тысяч получите вы, а мы с ней разделим остальное.

— Кто ее похитит?

— Никто. Она спрячется где-нибудь, а вы потребуете от моего мужа выкуп. Для этого мне и нужна ваша помощь. Ваша роль — это угрожающий голос по телефону. Все очень просто, но проделать это нужно четко. За то, что вы позвоните по телефону и заберете выкуп, я предлагаю вам пятьдесят тысяч долларов.

Во рту у меня пересохло. За похищение человека по закону полагалась высшая мера наказания.

Глава 3

Рея Мальрук изучающе смотрела на меня.

— Другой возможности достать такую сумму нет,— продолжала она.— Похищение дочери — единственный способ заставить моего мужа раскошелиться.

— Но это серьезное преступление...

— Никто на самом деле не будет похищен,— возразила Рея.

— Вы хотите сказать, что если все раскроется, то ваш муж только рассмеется и ограничится тем, что слегка пожурит вас обеих? Не пойдет ли он в ФБР, чтобы рассказать, какую милую шутку сыграла с ним жена в надежде вырвать у него полмиллиона?

Наступила продолжительная пауза.

— Мне не нравится ваш тон, мистер Барбер. Вы слишком много позволяете себе.

— Весьма сожалею, но в свое время я был журналистом и, очевидно, лучше вас знаю, что если будет похищена дочь Феликса Мальрука, то весть об этом заполнит первые страницы газет и журналов всего мира.

— Вы преувеличиваете. Я не позволю моему мужу вызвать полицию,— нетерпеливо проговорила она.— Все будет выглядеть следующим образом: Одетта исчезает. Вы звоните моему мужу и говорите, что она похищена и будет возвращена только в том случае, если он заплатит полмиллиона долларов. Муж отдает деньги. Вы забираете их, Одетта возвращается домой. Вот и все.

— Будем надеяться.

— Вы прекрасно понимаете, что не может быть по-другому, мистер Барбер. Вы говорили мне, что готовы пойти на риск за приличное вознаграждение. Если вы отказываетесь, то скажите прямо, и я найду другого человека.

— Не заблуждайтесь. Не так уж просто найти типа, который согласился бы помочь вам в подобном деле. Есть целый ряд сомнительных деталей. А если, к примеру, вопреки вашим советам, муж все же вызовет полицию?

— Я уже сказала, что этого не будет. Я знаю, как обращаться со своим мужем.

Я подумал о дряхлом миллионере, угасающем от рака легких. Возможно, былая энергия уже покинула его? И Рея права?..

— Ваша падчерица согласна?

— Разумеется: деньги ей нужны так же, как и мне.

Я отшвырнул в темноту окурок сигареты.

— Должен предупредить вас: если в дело вмешается ФБР, то неприятностей не оберешься.

— Мне начинает казаться, что вы не тот человек, которого я искала,— презрительно бросила она.— Мы напрасно теряем время.

Нужно было послушать ее и отказаться, но мысль о пятидесяти тысячах долларов преследовала меня. С горечью я отметил, что если десять тысяч начальника полиции не соблазнили меня, то за более высокую цену я готов был продаться.

— Я просто хочу предостеречь вас. Что хорошего, если мы все трое окажемся за решеткой?

— Сколько раз я должна повторять, что это исключено? — раздраженно проговорила она.— Могу я положиться на вас или нет?

— Пока вы изложили только общую идею вашего проекта. Давайте перейдем к деталям. Например, относится ли ваш муж к тем людям, которых легко напугать?

— Очень привязан к дочери. С этой точки зрения напугать его можно.

— Понятно. А если вы недостаточно хорошо знаете своего мужа? Он должен обладать исключительной энергией, раз ему удалось сколотить такой капитал.

— Повторяю, я знаю, как обращаться с ним.— Она глубоко затянулась, и огонек сигареты красным светлячком вспыхнул в темноте.— Он очень серьезно бо-

лен, мистер Барбер, и не станет сопротивляться, если близкий ему человек окажется в беде.

Одна мысль о том, что такая женщина могла бы стать моей женой, вызвала у меня приступ тошноты.

— Возможно.

Снова наступила пауза.

— Ну и как? Вы согласны?

— Я подумаю и дам ответ завтра. Позвоните мне сюда часов в одиннадцать.

Рея поднялась и швырнула на стол пачку банкнот.

— Этого хватит на оплату кабины и на другие возможные расходы. Завтра я позвоню вам,— и она, как привидение, растаяла в темноте.

Я подобрал деньги и сосчитал их. Здесь было десять кредиток по десять долларов каждая. Некоторое время я перебирал их, мысленно умножая на пятьсот.

На следующее утро звонок раздался ровно в одиннадцать.

— Барбер слушает.

— Ну? Да или нет?

— Да, но при одном условии. Хочу поговорить с вами и с другим заинтересованным лицом. Жду вас сегодня здесь, в девять вечера.

Я вернулся в кабину часов в шесть. Нину дома я не застал, чему был очень рад: она бы наверняка спросила, зачем мне понадобился моток проволоки, ящик с инструментом и магнитофон.

Накануне вечером я долго размышлял над планом Реи Мальрук и пришел к выводу, что для моей безопасности необходимо помешать ей свалить все на меня, если дело примет дурной оборот.

Сегодняшнюю вечернюю беседу я решил втайне записать на магнитофон. Таким образом, если Мальрук вызовет полицию, Рее и Одетте не удастся взвалить всю вину на меня, притворившись, что они здесь ни при чем.

Войдя в кабину, я отнес магнитофон в спальню и спрятал его в стенном шкафу. Затем я проделал в стенке шкафа дырочку, сквозь нее протянул шнур микрофона в гостиную и устроил так, что при включении света в гостиной автоматически включался магнитофон. Микрофон я решил установить под угловым столиком; он будет немножко в стороне, но все равно должен уловить любой звук. Когда я все закончил, часы по-

называли семь. Опробовав установку, я с удовлетворением отметил, что микрофон ловил мой голос из любого угла комнаты. Я принялся собирать инструменты, как вдруг раздался стук в дверь. От неожиданности я вздрогнул и, замерев на месте, уставился на дверь. На пороге стоял Билл Холден, владелец купален.

— Извините за беспокойство, мистер Барбер. Я только хотел узнать, оставите ли вы за собой кабину до завтра, а то у меня ее уже спрашивали.

— Я займу ее на всю неделю, Билл. Мне нужно написать серию статей, а здесь я лучше могу собраться с мыслями, чем дома. Если не возражаете, я рассчитаюсь с вами сразу за все в конце недели.

Небо нахмурилось грозовыми тучами. На пустынном пляже ветер швырял песок и клочки бумаги. Нервы мои были натянуты до предела. Пытаясь отвлечься, я стал гадать, опоздает ли сегодня Рея и что за человек ее падчерица. Войдя в кабину, я, разумеется, не стал зажигать свет и на ощупь включил кондиционер. К приходу женщин в гостиной должно быть свежо и прохладно. Несмотря на духоту, я уселся на веранде и стал ждать.

Часов в девять послышался легкий шорох, и я увидел, что по ступенькам поднимается Рея. Она была одна.

— Добрый вечер, мистер Барбер,— сказала она, направляясь к стоящему рядом креслу.

Я поднялся.

— Пойдемте в дом. Мимо может пройти кто-нибудь; незачем, чтобы нас видели вместе.— Я открыл дверь кабины и зажег свет.— Где Одетта?

Рея последовала за мной.

— Сейчас должна подойти,— небрежно ответила она и уселась в кресло.

— Пока я не поговорю с девушкой, делать мы ничего не будем,— объяснил я.— Прежде нужно убедиться, что она знает о проекте похищения и согласна с ним.

— Конечно, согласна,— резко ответила Рея.

— Я хочу услышать это от нее,— заявил я, усаживаясь, и продолжил специально для магнитофона: — Это вполне понятно. Вы с вашей падчерицей задумали организовать ложное похищение, желая как можно быстрее достать четыреста пятьдесят тысяч долларов. Такую сумму у вашего мужа можно получить только

в том случае, если он поверит, что его дочь похищена. За мою помощь вы обещали мне пятьдесят тысяч долларов. Но за похищение предусмотрена высшая мера наказания, и я хочу быть совершенно уверенным в том, что ваша падчерица знает, на что она идет.

— Конечно, знает,— нетерпеливо оборвала меня Рея.— Она давно выросла из пеленок.

— А вы по-прежнему уверены, что ваш муж не вызовет полицию?

Рея раздраженно забарабанила пальцами по ручке кресла.

— Похоже, вы обладаете природным талантом переливать из пустого в порожнее,— фыркнула она.— Ведь мы уже говорили обо всем этом, не так ли?

Я был удовлетворен. Запись этой краткой беседы ясно указывает на причастность Реи к похищению. Я посмотрел на часы: была уже половина десятого.

Снаружи послышался какой-то шорох. Я открыл дверь. На ступеньках веранды стояла девушка и вопросительно смотрела на меня.

— Привет,— сказала она и улыбнулась.

Одетта Мальрук была маленького роста и обладала исключительно изящной фигурой. На ней была белая кашемировая кофточка и красные спортивные брюки, красноречиво подчеркивающие достоинства ее фигуры. Черные волосы с элегантной небрежностью спадали на плечи. Красивые голубые глаза, маленький аккуратный носик, ярко-красные губы. На вид ей было лет восемнадцать. Она казалась воплощением «золотой молодежи». Подобных девушек десятками можно встретить в судах для несовершеннолетних: воинственно настроенных, презирающих весь мир, лишенных чувства моральной ответственности и не имеющих никакой цели перед собой.

— Мисс Мальрук?

Она улыбнулась и медленно поднялась по ступенькам.

— А вы, наверно, и есть Али-Баба? Как поживают наши сорок разбойников?

— Перестань, Одетта! — раздраженно воскликнула Рея.— Оставь свои шуточки для твоих дефективных приятелей.

Девушка наморщила нос, подмигнула мне и не спеша вошла в кабину.

— Привет, дражайшая Рея! — воскликнула она, усаживаясь в кресло.— Какая приятная встреча!

— Перестань! — оборвала ее Рея.— Молчи, слушай. Мистер Барбер хочет поговорить с тобой.

Девушка повернулась ко мне.

— Я вас слушаю, мистер Баба!

Я взглянул ей в глаза, и ее развязные манеры не могли больше сбить меня с толку. Взгляд Одетты был взглядом несчастной и неуверенной в себе девушки, которая сознает, что стоит на плохом пути и сил у нее больше нет идти дальше.

— Вы добровольно согласились участвовать в ложном похищении? — начал я.— Мне нужно услышать это от вас самой.

Девушка взглянула на Рею, потом — на меня.

— Добровольно ли я участвую? — Она хихикнула, как школьница.— Что он за фрукт, Рея? Конечно! Я и милейшая Рея придумали этот трюк. Гениальная идея, не так ли?

— Возможно, ваш отец оценит ее по-другому,— возразил я, не спуская с нее глаз.

— Это вас не касается,— вмешалась Рея.— А сейчас, если вы удовлетворены, перейдем к обсуждению проекта.

— Согласен,— ответил я.— Когда начнется операция?

— Как можно быстрее. Можно в субботу,— ответила Рея.

— Итак, мисс Мальрук исчезает... А куда она денется?

— Называйте меня просто Одетта,— предложила девушка.— Все друзья зовут меня так.

— В Кармел есть маленькая тихая гостиница,— продолжала Рея, не обращая внимания на Одетту.— Там она может спрятаться. Ведь ей нужно исчезнуть всего на три-четыре дня.

— А как она туда приедет?

— В автомашине...

— У меня есть ТР-3,— вмешалась Одетта.— Замечательная машина. Мчится, как ветер...

— Если вы будете сидеть за рулем такой машины, вас узнают. Вы, наверное, довольно известная личность в этих краях.

— Похоже, что так,— слегка удивленно ответила

девушка.

— А так ли легко вам исчезнуть?

— Дома привыкли, что я постоянно куда-то уезжаю.

Я обратился к Рее:

— Если бы я был на месте вашего супруга и от меня потребовали бы по телефону полмиллиона долларов за похищенную дочь, то я не стал бы спешить с выплатой денег. В вашем плане отсутствует элемент правдоподобности. Нельзя исключить, что ваш муж сочтет мой телефонный звонок просто шуткой...— Я решительно погасил сигарету и закончил: — И вызовет полицию.

— Многое зависит от того, как вы будете говорить с ним по телефону,— возразила Рея.— Вы должны говорить достаточно убедительно. За это мы вам и платим.

— Я буду очень убедительным,— успокоил я ее.— Но если все же он вызовет полицию? Что вы собираетесь делать в этом случае? Сознаетесь? Превратите все в шутку? Или будете молчать, в надежде, что я заберу выкуп и не попадусь в лапы полицейских?

— Я уже тысячу раз говорила вам...— сердито начала Рея.

— Я помню, что вы говорили, но совсем не обязан верить вам. Итак, если вмешается полиция, вы сдадитесь или будете стоять до конца?

— Будем стоять до конца,— заявила Одетта.— Нам очень нужны эти деньги!

В ее голосе прозвучала такая горечь, что я невольно взглянул на девушку. Но она адресовалась не ко мне: девушка с откровенной ненавистью смотрела на Рею.

— Да,— подтвердила та.— Деньги нам необходимы. Но полиция не вмешается.

— Нужно быть готовым к худшему варианту,— продолжал настаивать я.— Заплатив выкуп и получив назад дочь, ваш муж непременно заявит об этом в полицию. Человек, который сколотил такой капитал,— далеко не дурак. Как вы можете быть уверены в том, что он не прикажет переписать номера ассигнаций? Зачем вам эти деньги, если вы не сможете тратить их? — скажу я.

— Мой муж тяжело болен. Он сделает то, что

— И все же я буду принимать в расчет поли-

нию. Если вам не подходят мои предложения, я готов выйти из игры.

Рея нахмурилась. Одетта невозмутимо грызла ноготь. Я обратился непосредственно к ней.

— Сегодня вторник. К субботе мы можем быть готовы. Вы могли бы на субботу вечером пригласить какую-нибудь вашу подругу в кино?

Девушка кивнула в знак согласия.

— Вы поужинаете дома и скажете отцу, что собираетесь в кино. Оденьте приметное платье, когда будете выходить. Договоритесь встретиться с подругой в девять вечера, но на свидание не пойдете, а отправитесь в «Притон пиратов», бар-ресторан в трех километрах отсюда. Знаете?

Одетта снова кивнула.

— Машину оставите на стоянке и зайдете в «Притон» что-нибудь выпить. В это время в зале будет полно народу, но, надеюсь, друзей своих вы там не встретите.

— Несомненно,— подтвердила Одетта.— Такая дыра не по вкусу моим друзьям.

— Я так и думал. Итак, продолжим. Нужно, чтобы вас заметили. Опрокиньте бокал или сделайте что-либо другое, чтобы привлечь внимание публики. Через пять минут уходите. Смотрите, чтобы никто не последовал за вами. Затем вы садитесь в мою машину, переодеваетесь и надеваете парик. Тем временем я отвожу вашу машину на стоянку у Одинокого Залива. Вы следуете за мной. На стоянке мы оставим вашу машину до окончания операции, на моей едем в аэропорт, где я заранее забронирую вам место на вечерний самолет, вылетающий в Лос-Анджелес. В Лос-Анджелесе вы сразу же направитесь в гостиницу, где для вас также будет зарезервирован номер. Администратору скажете, что неважно себя чувствуете, и попросите подавать вам еду в номер. Не выходите из номера ни на шаг, пока я не сообщу, что можно возвращаться. Обо всем я буду информировать вас по телефону. Все пока ясно?

Одетта кивнула. Она перестала грызть ногти и выглядела слегка растерянно.

— Все это лишние осложнения,— вмешалась Рея.— Если она отправится в эту гостиницу в Кармеле...

— Вам нужны деньги или нет?

— Я уже сто раз сказала, что нужны! — вспылила она.

— Тогда слушайтесь меня, иначе вам их не видать!

— А он, действительно, фрукт,— заметила Одетта.— Я сделаю все, что ты хочешь, Гарри. Могу я так называть тебя?

— Называйте меня как угодно, только выполняйте все в точности,— ответил я и обратился к Рее.— Посадив Одетту в самолет, я позвоню вашему мужу. Могу я рассчитывать, что меня соединят с ним?

— На звонки отвечает мажордом. Вы объясните, что хотите поговорить с моим мужем относительно дочери, и тот доложит об этом Феликсу. Я буду рядом и сделаю так, чтобы он подошел к телефону.

— Я по[illegible] поздно. Надеюсь, что к тому времени подруга С[illegible] уже попытается узнать, почему она не при[illegible]дание.— Я посмотрел на девушку.— Как, по-[illegible] позвонит ли она?

— Ра[illegible].

— Было [illegible]шо. Это создаст должную атмосферу. Еще [illegible]о звонка домашние должны беспокоиться за [illegible]

— Не волну[illegible]сь, подруга обязательно позвонит.

— Превосходно. Я скажу вашему отцу, чтобы он в течение двух дней собрал деньги и ждал дальнейших указаний.— Я обернулся к Рее.— А вы должны убедить его, чтобы он не выкинул какой-нибудь трюк.

— Беру это на себя,— сухо ответила Рея.

— Хорошо. Через два дня после первого звонка я позвоню снова. Ваш муж в состоянии лично привезти выкуп?

— Да, он никому не доверит такие деньги.

— Даже вам?

Одетта хихикнула, на что Рея ответила ей убийственным взглядом.

— Мне он, конечно, доверяет. Но операцию по вручению выкупа сочтет опасной и не разрешит мне сопровождать его.

— Отлично. Я прикажу ему выйти из дома в два часа ночи и ехать по направлению к Лидо Ориентале. Деньги пусть привезет в чемодане. На одном из участков дороги ему будет подан сигнал мигающим светом карманного фонаря. Проезжая мимо этого места, он, не останавливаясь, должен выбросить чемо-

дэн. К этому времени Одетта вернется в Палм-Бэй, приедет в эту кабину и будет ожидать меня здесь. Я заберу свою часть добычи, а ей оставлю все остальное.

— С этим я не согласна! — воскликнула Рея.— Деньги вы должны вручить лично мне.

— А почему не мне? — возразила Одетта.

— Я не доверяю тебе.

— А ты думаешь, я тебе верю? — воскликнула девушка.— Если деньги попадут в твои лапы...

— Согласен, согласен, замолчите,— вмешался я.— Есть другой вариант. Я подготовлю текст письма, которое Одетта напишет отцу. Так все будет выглядеть более убедительно и мне не придется звонить ему в третий раз. В письме мы изложим инструкции по вручению выкупа. Выкинув чемодан с деньгами, пусть он едет на стоянку у Одинокого Залива, где найдет машину Одетты. А в машине я оставлю записку, что Одетта уже вернулась домой. Таким образом, у вас будет время пойти сюда и поделить между собой деньги.

Рея изучающе смотрела на меня.

— Разумеется, на вас мы можем положиться, мистер Барбер?

— Если вы не доверяете, то нечего было обращаться ко мне,— улыбаясь, ответил я.— Может быть, у вас есть более удачный план действий?

Обе женщины в молчании смотрели на меня, потом Рея медленно произнесла:

— Если вы обещаете быть здесь, когда я приду за деньгами, то я согласна.

— Она хочет сказать, что верит вам, но не верит мне,— заметила Одетта.— Ну и мамочка у меня!

— Мне она вынуждена верить,— напомнил я.— Ладно, пойдем дальше. Что же с вами произошло? Почему вы не пошли на свидание с подругой? Как вы оказались в «Притоне пиратов»? Кто вас похитил?

— Откуда мне знать? Это уж ваша забота.

— Вы думаете, вам не обязательно знать это? Ваш отец забросает вас вопросами. И можете не сомневаться, полиция тоже не скоро отстанет от вас. Они мастера допросов и, если только подметят неправду в ваших словах, не оставят вас в покое до тех пор, пока не узнают все до конца.

Спокойствие покинуло Одетту, и она растерянно обернулась к Рее.

— Но... полиция не будет допрашивать меня,— неуверенно проговорила она.— Рея обещала мне.

— Возможно. Но у меня есть сомнения на этот счет.

— Мой муж смертельно боится всякой огласки,— пояснила Рея.— Он предпочтет уплатить в десять раз больше, чем отбиваться от журналистов.

— Очень сожалею, но пока я не убежден. На всякий случай Одетта должна иметь наготове правдоподобную историю.— Я обернулся к девушке.— Жду вас здесь завтра в девять вечера, чтобы дать вам необходимые инструкции. Вы должны подготовиться [illegible] лучше, если хотите заполучить эти деньги.

— [illegible] Одетта и многообещающе улыбнулась.

— И [illegible] обратился я к Рее.— Завтра вам нужно [illegible] для Одетты. Сходите в самый заурядн[illegible] купите какую-нибудь дешевую вещичку. [illegible] купите парик, но будьте осторожны. В [illegible] магазине не покупайте. Может быть, вам [illegible] съездить в Дэйтон.

— Если уж [illegible] необходимо...— пожала плечами Рея.

Я подошел к двери и выглянул наружу. На пляже не было ни души.— Итак, до завтра.

Рея вышла первой, даже не взглянув на меня. Одетта последовала за ней и, проходя мимо, с улыбкой подмигнула мне. Некоторое время я смотрел им вслед, потом вернулся в комнату и выключил магнитофон.

Глава 4

На следующий вечер, чуть позже девяти, Одетта появилась около кабины, с чемоданчиком в руках, в простенькой белой блузе и широкой юбке. При свете луны я хорошо мог разглядеть ее: она выглядела настоящей красавицей.

— Привет, Гарри! Вот и я.

Я взял из ее рук чемодан.

— Проходите. Ваша мачеха не придет? — Мысль о том, что я останусь наедине с девушкой, вызывала у меня смутное волнение.

Она мельком взглянула на меня и лукаво улыбнулась.

— А вы ее разве приглашали? Словом, сегодня ее не будет.

— Примемся за дело,— сухо проговорил я, указав ей на диван.— Времени у нас мало, а сделать предстоит много.

Она подошла к дивану и не спеша уселась: я поймал себя на том, что слишком внимательно наблюдаю за ней. Она подобрала ноги под себя, поправила юбку и вопросительно взглянула на меня.

— А ловко Рея подстроила тебе западню, чтобы втянуть в это дело,— задумчиво проговорила она.— Но, может быть, ты окажешься еще ловчее ее.

Я насторожился.

— О какой западне ты говоришь?

— Рея глаз не спускала [illegible] целыми днями, пока ты глотал виски в этом [illegible]. Она взяла тебя на заметку еще с тех пор, когда прочитала в газетах о твоем освобождении из тюрьмы. Это ее идея забыть сумочку в телефонной кабине. Она была уверена, что ты клюнешь на приманку. А я ручалась, что ты не возьмешь деньги. Мы с ней поспорили, и я проиграла десять долларов.

Я остолбенело смотрел на нее и чувствовал, как щеки мои заполыхали румянцем.

— Я был пьян,— с трудом проговорил я, наконец.

Она пожала плечами.

— Не сомневаюсь. Я просто хочу предостеречь тебя. Рея — сущая ведьма, будь с ней очень осторожен.

— Зачем вам нужны деньги?

— Это тебя не касается. Начинай свою лекцию.

Я долго не мог прийти в себя. Известие о том, что Рея подстроила мне ловушку, обескуражило меня.

— Итак, вы назначили свидание с подругой на субботний вечер? — спросил я.

— Да, с Маувис Шин. Мы договорились встретиться в вестибюле кинотеатра в девять вечера.

— Есть у вас приятель, с которым вы видитесь относительно редко?

Одетта задумалась.

— В общем... есть. Даже несколько.

— Хватит одного. Как его зовут?

— Джерри Вильямс.

— Он звонит иногда вам домой?

— Да.

— Кто обычно подходит к телефону?

— Сабин, наш мажордом.

— Он может узнать голос Вильямса?

— Думаю, что нет. Джерри мне не звонит вот уже пару месяцев.

— Тогда слушайте: вы скажете отцу, что идете в кино с Маувис. После ужина, примерно без четверти девять, я вам позвоню. Скажу мажордому, что звонит Вильямс, и попрошу позвать вас. Вы делаете вид, что говорите с Вильямсом. И он якобы сообщает вам, что встретил вашу подругу и что вместе с другими общими знакомыми они решили устроить пирушку в «Притоне пиратов» и приглашают вас приехать туда. Вы изобразите некоторое удивление, но согласитесь. Вы приезжаете в «Притон», но друзей ваших там нет и в помине. Вы выходите оттуда и когда направляетесь к стоянке, кто-то в темноте набрасывает на вас одеяло и заталкивает в автомашину. Пока все ясно?

— Черт возьми! Ты серьезно говоришь все это?

— Я подхожу к делу серьезно, потому что речь идет о серьезных вещах. Итак, если вмешается полиция, то Вильямса вызовут на допрос. Он поклянется, что не звонил вам, и тогда будет ясно, что вместо него звонил кто-нибудь из похитителей, чтобы завлечь вас в «Притон пиратов». Полицейские спросят, как вы могли принять речь незнакомца за голос Вильямса, вы ответите, что слышимость была плохая, врывались какие-то помехи, музыка, и вы не сомневались, что звонит Вильямс. Ясно?

— Неужели вы думаете, что дело дойдет до полиции?

— Не знаю. Но лучше быть готовым ко всему. А сейчас я познакомлю вас с историей, которую вы должны будете рассказать полицейским. Вы находитесь в машине похитителей. Голова ваша закрыта покрывалом и кто-то крепко держит вас. Голос человека с иностранным акцентом предупреждает, что если вы попытаетесь открыть рот, то раскаетесь в этом.

у вас такое ощущение, что в машине, кроме вас, сидят еще трое.

Машина совершает множество поворотов, похоже, что уже съехала с шоссе на проселочную дорогу. Наконец, через пару часов, машина останавливается. Вы слышите поблизости лай собаки и скрип открывающейся калитки. Запомните все эти детали. Ребята из ФБР могут расспрашивать о них. Сколько раз преступники попадались на том, что их жертва слышала лай собаки или скрип колодезного журавля.

Одетта кивнула с понимающим видом.

— Теперь ясно, почему вы захотели встретиться со мной сегодня,— сказала она, снова переходя на «вы».— Даже если обойдется без полиции, то отец все равно начнет расспрашивать меня. Он очень хитрый и будет выпытывать все подробности

— Совершенно верно. Итак, вас будут держать взаперти трое суток. Полиция попросит нарисовать план комнаты, вы должны будете сделать это без колебаний. Во время заключения вы будете слышать лай собаки, кудахтанье кур и придете к выводу, что вас привезли на ферму. Видеть будете только одного из похитителей и женщину, приставленную для ухода за вами. Их приметы я написал, вам нужно запомнить их. Только не путайтесь в мелочах.

— Понятно.

— Рядом с вашей комнатой будет находиться туалет, куда вы можете ходить в любое время, но в сопровождении женщины. Я набросал план этой части дома: небольшой коридор, в который выходят три двери. Раковина умывальника в туалете разбита с края, а вместо цепочки от бачка свешивается веревка. Помните эти мелочи, они придают правдоподобность всей истории. Я набросал также перечень кушаний, которыми вас кормили за это время. Выучите все как следует, иначе федеральные агенты мигом разоблачат вас.

— Постепенно я начинаю думать, что меня действительно похитят.

— Именно так вы и должны себя чувствовать. Возьмите теперь текст письма и перепишите его; это письмо я направлю вашему отцу.

Я подал ей листок дешевой бумаги, который купил, зайдя в универмаг и надев предварительно перчатки, чтобы не оставить отпечатков пальцев.

Когда Одетта закончила письмо, я передал ей мои заметки.

— Вызубрите их и приходите сюда в пятницу вечером: я устрою вам экзамен. А теперь примерьте платье и парик, я хочу посмотреть, как вы будете выглядеть.

Она достала из чемодана дешевенькое белое платьице с голубой отделкой и рыжий парик.

— Пройдите туда и переоденьтесь,— сказал я, указывая на спальню.

— По вашему тону можно подумать, что не мачеха моя наняла вас на работу, а — вы ее...

— Если вам не нравится...

— Что вы! Наоборот... И вообще мне нравятся мужчины старше меня.

— Это дает вам большую возможность выбора,— невозмутимо ответил я.— Поторапливайтесь, мне пора домой.

Она сморщила нос и, не торопясь, прошла в спальню.

Мысль о том, что я нахожусь наедине с Одеттой, неотступно преследовала меня. Эта девушка возбуждала во мне самые низменные инстинкты.

Несколько минут я нервно метался по комнате, но вот дверь в спальню открылась и на пороге появилась Одетта. Рыжий парик неузнаваемо изменил ее. Она подошла ближе, придерживая руками платье.

— Застегни, пожалуйста, молнию,— попросила она.

Дрожащей рукой я затянул молнию. Сердце судорожно застучало от близости девушки. Внезапно Одетта повернулась, обняла меня за шею и ее губы прильнули к моим. На мгновение я замер, затем с усилием оттолкнул ее...

— Это совсем ни к чему,— стараясь казаться спокойным, проговорил я.— Лучше сохранить обычные деловые отношения.

— Значит, я тебе не нравлюсь?

— Ты очень мила.

Она наморщила нос и отошла в сторону.

— Итак, мне можно идти?

— Да. Если еще наденешь черные очки, то тогда вообще никто не узнает тебя.— Вытащив из кармана платок, я вытер потные руки.— Иди, переоденься; платье и парик оставишь здесь. Встретимся после-

...втра, в девять.

— Послезавтра, в девять,— кокетливо повторила Одетта.

Подъезжая к дому, я увидел у калитки «бьюик» Ренника. Не было печали! С тех пор как он встретил меня у ворот тюрьмы, я не видел его и совсем забыл о его существовании. Зачем он приехал?

Тревожное предчувствие охватило меня. Наверняка Нина рассказала ему о моем таинственном занятии по сбору статистики автомобильных происшествий, которое я выдумал для оправдания моих вечерних отлучек, и если Джон хоть чуточку усомнится в этом, он мигом раскроет ложь. Я вышел из машины и вошел в прихожую. Из гостиной послышался смех Нины. В нерешительности я замер у двери.

Мы дружили с Джоном лет двадцать, вместе ходили в школу. Затем он пошел в полицию и стал отличным полицейским. А теперь его назначили специальным следователем окружной прокуратуры. Это была очень ответственная должность. Если «похищение» провалится, то Джон первым займется его расследованием, а уж я-то знал, какой он мастер своего дела! В качестве журналиста мне пришлось наблюдать за работой доброго десятка следователей, и все они в подметки не годились Джону. Если расследование поручат ему — мне крышка.

Набравшись мужества, я распахнул дверь. Нина раскрашивала большую садовую вазу, а Джон сидел в кресле, дымил сигаретой и наблюдал за ней. Увидев меня, Нина отшвырнула кисть и бросилась мне на шею. Я осторожно отстранил ее. Мне было стыдно перед ней после поцелуя Одетты.

— Эй, Джон! — воскликнул я, протягивая руку.— Добро пожаловать, пропащий!

Полицейского так просто не проведешь. Пристальный изучающий взгляд Джона дал мне понять, что он о чем-то догадывается. Когда он пожимал мне руку, его улыбка была такая же натянутая, как и моя.

— Я не виноват, Гарри,— проговорил он, оправдываясь.— Целый месяц пришлось проторчать в Вашингтоне. Как дела? Я слышал, что ты нашел работу?

— Какая уж там работа! Впрочем, лучше, чем ничего...

Я опустился в кресло, а Нина уселась на подлокотник. Реник продолжал изучающе разглядывать меня.

— Послушай, Гарри,— после минутной паузы проговорил он.— Так дальше продолжаться не может. Тебе нужно куда-то устроиться. Пожалуй, я смогу договориться с Медоузом. Я уже говорил с ним о тебе. Нам нужен хороший агент по связи с прессой, ты как раз подходишь для этой работы.

— Вот как? После того, что со мной сделали, я не соглашусь работать на администрацию этого города за все золото мира!

Нина стиснула мою руку.

— Ради бога, Гарри, будь благоразумен! — взорвался Реник.— Старая банда политиканов покинула город. Для тебя это блестящая возможность. Еще неизвестно, сколько тебе будут платить, но в любом случае зарплата будет приличная. Медоуз знает о твоей истории, о твоих журналистских способностях. Если муниципалитет утвердит эту должность, то место тебе гарантировано.

На мгновение я подумал, что предложение Реника давало мне отличную возможность отвязаться от этой комедии с похищением и получить твердую работу. Но тут я снова вспомнил о пятидесяти тысячах долларов.

— Я подумаю. Может быть, и правда, что старая банда убралась отсюда, но работать на полицию этого города мне не улыбается...

— Может быть, ты согласишься? — с надеждой спросила Нина.— Ведь такая работа тебе нравится и, кроме того...

— Я сказал, что подумаю,— оборвал я ее.

Реник разочарованно поморщился.

— Как знаешь. Учти, что на это место уже есть несколько кандидатов.

— Понятно. Спасибо за беспокойство, Джон. Я позвоню тебе.

Он пожал плечами и медленно поднялся.

— Ну, мне пора. Жду твоего звонка.

Как только Джон вышел, Нина бросилась ко мне.

— Ведь ты не откажешься от этой работы, Гарри? Ты должен понять, что...

— Я сказал, что подумаю. Пошли спать.

Хлопнув дверью, я прошел в спальню, спрятал

в шкаф магнитофонную ленту и лег в постель. Когда, управившись по хозяйству, в спальню вошла Нина, я притворился спящим. Чувствовал я себя таким негодяем, что даже в глаза ей не мог посмотреть.

В пятницу утром, за завтраком, Нина спросила:

— Ты решил что-нибудь по поводу предложения Джона?

— Нет еще.

Она пристально посмотрела на меня.

— Так вот. Пока ты тянешь со своим решением, у нас накопилось три счета, которые нужно срочно оплатить. А денег у меня нет.— Она швырнула счета на стол.— Хозяин гаража не даст нам больше бензина. Если мы не заплатим за свет, у нас отключат электричество, а лавочник не даст нам больше в кредит ни крошки.

От сотни долларов Реи у меня осталось шестьдесят. Лавочнику и за свет я мог бы еще уплатить.

— Я позабочусь об этом,— сказал я, положив счета в карман.— А гараж пока подождет. Сколько у нас осталось бензина?

— Одна канистра.

— Придется, по возможности, ездить автобусом.

— Мне сегодня нужно отвезти четыре вазы. Я не могу тащить их в автобусе.— В голосе Нины прозвучала нотка отчаяния.

— Никто не запрещает тебе брать машину! — крикнул я.— Я только сказал, что, по возможности, нужно ездить автобусом.

— Не кричи, я и так слышу.

Нина хотела еще что-то добавить, но потом резко повернулась и вышла из комнаты.

Я чувствовал себя подлецом. Впервые я поссорился с женой.

Позднее я оплатил два счета, после чего у меня осталось в кармане около пятнадцати долларов.

Остаток дня я провел на пляже: плавал, загорал и думал об Одетте, а в половине девятого уселся на веранде в ожидании девушки.

Одетта пришла часов в девять. Я подбежал к ней и заключил ее в объятия.

— Убери лапы! — холодно приказала она, оттолкнув меня с такой силой, что я пошатнулся.— Когда

мне понадобятся твои ласки, я скажу сама.

На меня это подействовало, как холодный душ. Внезапно я почувствовал себя совсем разбитым и до ужаса смешным. После минутного колебания я прошел следом за девушкой в кабину и закрыл за собою дверь.

— Ты чересчур спешишь со своими выводами, мой бедный мальчик!

Я сел в кресло и закурил сигарету.

— Ты решил, что я стану для тебя доступной игрушкой? Все вы одинаковы, глупые мужчины-неудачники.— Она кокетливо поправила волосы и ехидно улыбнулась.— Не лучше ли приступить к делу?

Дрожащей рукой я открыл папку и вытащил листок с перечнем вопросов. Руки у меня так тряслись, что бумаги в папке зашелестели, как листья в осеннем лесу.

— Я буду задавать тебе вопросы,— прерывающимся голосом проговорил я,— а ты постарайся точно ответить на них.

— Возьми себя в руки, бедный малыш,— заметила она.— Не забывай, что мы неплохо платим тебе за работу.

— Замолчи! Я не обязан выслушивать твои глупости!

И я стал засыпать ее вопросами: как она попала в «Притон пиратов»? Как выглядела женщина — соучастница похитителей? Кого она видела, кроме нее? И так далее. Ее ответы были точными и исчерпывающими. Одетта ни разу не сбилась.

— Сойдет,— проговорил я, наконец.— Если ты не запутаешься в мелочах, все должно быть в порядке.

Она подарила мне ироническую улыбку.

— Не запутаюсь... Гарри.

Я поднялся.

— Итак — до завтра. Я буду в «Притоне пиратов» в четверть десятого. Ты знаешь, что тебе делать.

— Да, я знаю, что мне делать.

Целую минуту мы смотрели друг другу в глаза, потом выражение ее лица смягчилось, и она двинулась ко мне.

— Бедный парень! Обними меня, раз тебе так хочется.

Я подождал, пока она подойдет ближе, и наотмашь ударил ее по щеке. Голова ее дернулась в сторону.

Помедлив, я отвесил ей вторую пощечину.

В глазах ее сверкнула ненависть, и, обхватив лицо руками, она шагнула назад.

— Негодяй! Ты раскаешься в этом!

И, покачивая стройными бедрами, Одетта направилась к двери. У порога она обернулась.

— Не завидую я твоей жене! — с презрительной усмешкой воскликнула она и сбежала по ступенькам на пляж, залитый лунным светом.

Глава 5

Когда я проснулся на следующее утро, затянутое тучами небо предвещало затяжной дождь. Сомнения снова нахлынули на меня, и только мысль о пятидесяти тысячах долларов помогла мне взять себя в руки.

— Сегодня я вернусь поздно,— сказал я Нине, которая готовила завтрак.

Она встревоженно взглянула на меня.

— Ты встречаешься сегодня с Джоном?

— Оставлю это до понедельника. Будь у него новости, он позвонил бы мне.

Едва я добрался до кабины, как ко мне заявился хозяин с просьбой уплатить за аренду. Я объяснил, что забыл бумажник дома, и пообещал рассчитаться за все сразу на следующий день. Он согласился, однако этот эпизод оставил у меня в душе неприятный осадок. В час я пошел перекусить, а когда снова вернулся в кабину, услышал звонок телефона. Звонила Рея.

— Все в порядке? — Нетерпенье и тревога слышались в ее голосе.

— В порядке, что касается меня. Я готов. Остальное теперь зависит от Одетты.

— Можете ей верить.

— Превосходно. Итак, начинаем операцию.

— Буду звонить вам завтра в одиннадцать.

— Нужны деньги,— заметил я.— Я должен уплатить за кабину. Пожалуй, вам лучше прийти сюда завтра утром.

— Хорошо,— ответила Рея и повесила трубку.

Все остальное время я просидел на веранде, безучастно наблюдая за струйками дождя. Море нахму-

рилось, мутные волны настойчиво колотились о берег. Я попытался читать какой-то детектив, но никак не мог сосредоточиться. Но вот и половина девятого. Я сел в «паккард» и направился в центр, к одному из баров. Дождь немножко утих, но мелкие струйки продолжали стучать в стекла. Ровно без четверти девять я вошел в телефонную кабину и вызвал дом Мальрука. В ту же секунду в трубке послышался учтивый голос:

— Резиденция мистера Мальрука. Что вам угодно?

— Говорит Джерри Вильямс. Попросите к телефону Одетту.

— Одну минутку, мистер Вильямс. Сейчас посмотрю, дома ли она.

Сжимая трубку вспотевшей рукой, я прислонился к стенке кабины. Через пару минут послышался голос Одетты:

— У телефона.

— Ты можешь говорить свободно?

— Да. Привет! Знаешь, ты единственный человек в мире, который осмелился ударить меня. Отчаянный же ты тип!

— Я знаю это. Смотри, не попадись мне снова под горячую руку. Слушай внимательно: я буду в «Притоне» через двадцать минут. Свою машину я оставлю на стоянке справа. Платье будет лежать на заднем сиденье. Ты ничего не забыла?

— Я помню все,— многозначительно ответила она.

— Тогда поторапливайся. Жду.

Минут за пятнадцать я добрался до «Притона», с трудом втиснул свою машину в свободный уголок и замер в тревожном ожидании. Прошло почти полчаса. Наконец белая ТР-3 въехала в ворота. Одетта вышла из машины. Под плащом из прозрачного пластика виднелось ярко-красное экстравагантное платье. Я помахал ей в знак привета. Она кивнула в ответ и направилась в бар.

Я вылез из «паккарда» и подошел к ТР-3. На заднем сиденье лежал небольшой чемодан. Оглянувшись по сторонам, я открыл дверцу, взял чемодан и перенес его в мою машину.

Сквозь витрину бара я мог видеть Одетту. Она о чем-то говорила с барменом. Вот она отрицательно покачала головой, шагнула в сторону и исчезла из поля моего зрения.

Я взглянул на часы. Самолет на Лос-Анджелес вылетал в десять тридцать. Ранее я забронировал одно место на имя Энн Харкорт, предупредив, что девушка явится за билетом сама.

В этот момент Одетта вышла из бара и сердце у меня екнуло: следом за ней, пошатываясь, шел кой-то мужчина.

Она направилась к «паккарду», но мужчина ухватил ее за руку.

— Не сердись, красотка,— громко и настойчиво проговорил он.— Давай повеселимся! Я сегодня один, ты тоже в одиночестве, давай кутнем как следует!

— Отстаньте,— вполголоса проговорила Одетта.— Прочь руки!

Вид у нее был слегка испуганный.

— Не бойся, малышка! Пойдем со мной!

Я судорожно пригнулся за дверцей: страх как хотелось крикнуть Одетте, чтобы она не приближалась к «паккарду». Но Одетта подходила все ближе, преследуемая пьяницей.

Внезапно мужчина схватил ее за руку и резко обернул к себе:

— Перестань ломаться, малышка! Пошли в бар, я угощу тебя.— И он попытался грубо обнять ее.

Нужно что-то делать. Одетта продолжала бороться, но мужчина слишком силен для нее. В кармане машины лежал электрический фонарь с длинной рукояткой. Я схватил его и вышел из машины. Одетта молча продолжала бороться. Когда я подошел ближе, ей удалось вырваться из объятий незнакомца. Нервы мои были натянуты, как струна. Мужчина заметил меня и резко обернулся. Я с размаху ударил его фонарем в лицо, и он рухнул на колени. Одетта приглушенно вскрикнула.

Бормоча проклятья, мужчина попытался подняться, но я еще раз ударил его и он рухнул наземь.

— Бери мою машину! — крикнул я Одетте.— Быстрее! Я еду следом.

— Ему очень больно? — спросила девушка, спрятав лицо в ладони.

— Быстрее, говорят тебе!

Я вскочил в машину и завел мотор. Если кто-нибудь выйдет из бара и увидит лежащего мужчину, мне не сдобровать.

«Паккард» двинулся со стоянки, я последовал за

ним. Проехав километра три, я вырвался вперед и дал знак Одетте остановиться.

— Переодевайся и следуй за мной до стоянки у Одинокого Залива,— приказал я.— Быстро!

— Ты очень сильно ударил его? — спросила она, взяв платье.

— Не думай об этом! Переодевайся! Время не ждет.

Я бросился к ТР-3, сел за руль и стал молиться, чтобы не появились машины. Через пять бесконечных минут Одетта просигналила и махнула рукой.

Я двинулся к Одинокому Заливу. Девушка тронулась следом.

Через каждую минуту я смотрел на часы. Времени было достаточно. Мысль о пьяном сверлила мой мозг, я все спрашивал себя, не слишком ли сильно я его ударил.

Стоянка у Одинокого Залива, принадлежащая владельцам соседних вилл, была заставлена машинами. Я сделал Одетте знак остановиться, а сам медленно поехал вдоль шеренги автомашин в поисках свободного места. Внезапно из ряда задним ходом стремительно выехала машина. Все произошло в одно мгновенье. Я не успел даже моргнуть глазом, как раздался скрежет металла, задний бампер машины незнакомца разбил подфарники ТР-3 и плотно застрял под ее передним бампером. Меня как паралич хватил: подобный инцидент предусмотреть я не мог.

Я еще продолжал сидеть неподвижно, охваченный паникой, а виновник аварии уже шел к моей машине. Погасив фары, я увидел, что незнакомец оказался лысым низкорослым человечком. С облегчением я отметил, что при такой видимости он вряд ли хорошо разглядит меня.

— Прошу прощения,— жалобно пролепетал мужчина.— Во всем виноват я...

Неожиданно из его машины тяжело вылезла полная женщина и, раскрыв зонтик, подошла к мужчине.

— Ты здесь ни при чем, Герберт,— густым басом сказала она.— Он сам крался, как воришка.

— Пожалуйста, отведите машину на пару метров в сторону,— попросил я незнакомца, игнорируя великаншу.— Ваш бампер застрял под моим.

— Не двигай машину, Герберт! — прогудела женщина.— Беги скорее за полицейским.

— Уберите машину! — крикнул я.
— Я запрещаю вам говорить таким тоном с моим мужем! — еще больше распалилась супруга.
Время шло, мне оставался только один выход. Я включил мотор, до отказа повернул руль и нажал на акселератор.
Под ужасающий скрежет металла ТР-3 рванулась вперед, отбросив наехавшую машину в сторону.
— Запиши номер, Герберт! — услышал я последний вопль великанши, но ТР-3 уже была далеко.
С трудом нашел я свободное место, втиснул туда машину, выскочил наружу и бросился к выходу. Вызовет ли полицию этот лысый карлик? Он знал, что вина за столкновение лежит на нем. В противном случае... А, к дьяволу! Лучше не думать об этом.
По дороге к «паккарду» я впервые ощутил чувство глубокой тревоги.

На следующее утро, еще до рассвета, я зашел в один из баров, выпил для храбрости пару рюмок виски, закрылся в телефонной будке и набрал телефон Мальрука. Через несколько секунд в трубке послышался голос мажордома.
— Позовите мистера Мальрука,— грубо приказал я.— Мне нужно передать кое-что от его дочери.
— Простите, а кто говорит?
— Вы что, оглохли? Зовите к телефону Мальрука!
— Одну минутку, пожалуйста,— обиженно ответил мажордом.
Мгновенно вспотев от волнения, я замер у аппарата. Через минуту, длившуюся вечность, в трубке прозвучал спокойный голос:
— Мальрук слушает.
— Послушай, приятель,— медленно и четко сказал я.— Мы похитили твою дочь и хотим за нее пол-миллиона долларов. Понял? Пятьсот тысяч долларов в мелких купюрах. Если не уплатишь, дочь тебе больше не видать. И никаких фокусов: полицию в дело не вмешивать. Если хочешь получить дочь назад, делай, что тебе говорят.
После небольшой паузы Мальрук спокойно ответил:
— Понятно. Разумеется, я уплачу. Как передать

деньги и когда вернется моя дочь?

— Узнаешь в понедельник,— ответил я.— Когда ты сможешь собрать деньги? Чем быстрее, тем лучше, особенно для твоей дочери.

— Деньги будут сегодня.

— Сегодня воскресенье, банки закрыты.

— Деньги будут сегодня.

— Хорошо. В понедельник утром я сообщу порядок передачи выкупа и предупреждаю еще раз: одно слово полицейским и твоей дочери конец. Сначала мы с ней поиграем немного, а потом найдешь ее в могилке.

Повесив трубку, я вернулся в машину.

Чувствовал я себя мерзавцем, но что делать? Пятьдесят [illegible] нужны мне были как воздух.

Когда я [illegible]нулся домой, Нина еще спала. Я долго воро[illegible] пытаясь уснуть, но когда сон, наконец, пришел, [illegible] телефон.

— [illegible], старина,— услышал я возбужденный [illegible] — Слушай внимательно. Тебя берут на [illegible]. Приезжай немедленно. Я жду в кабинете про[illegible] Кстати, тебе будут платить сто пятьдесят долларов в неделю. Но это пустяки. Ты нам сейчас просто необходим. Похоже, что на горизонте «дело», которое прогремит на всю страну. Ты слышал что-нибудь про французского миллионера Мальрука? Так вот, кажется, его дочь похитили. Ты понимаешь, что это значит? Приезжай скорее!

Страх сдавил мое сердце.

— Подожди,— неуверенно пробормотал я.— Я еще не решил, буду ли работать на городскую администрацию...

— Черт тебя побери, Гарри! — раздраженно воскликнул Джон.— Произошло событие, которого еще не было в истории Палм-Сити, а ты хочешь остаться в стороне!

Краем глаза я увидел, что на пороге стоит Нина и настороженно смотрит на меня. Рука у меня так вспотела, что трубка чуть не выскользнула на пол. Итак, бомба взорвалась. «Кажется, его дочь похитили». Ну, что ж, работая в окружной прокуратуре, я, по крайней мере, буду в курсе хода расследования. Подумав еще секунду, я сдался:

— Еду, Джон.

— Отлично! Только пошевеливайся,— радостно

воскликнул мой приятель.— Жду!

Я повесил трубку.

— Что случилось, Гарри? — спросила Нина.

— Не знаю. Джон чем-то очень взволнован. Он хочет, чтобы я срочно приехал в прокуратуру. Они дают мне сто пятьдесят долларов в неделю.

— Гарри, дорогой! — Нина бросилась мне на шею.— Я была уверена, что ты согласишься!

— Ладно, ладно, нужно торопиться.

Пока я одевался, сердце у меня колотилось. Итак, оптимизм Реи не оправдался. Мальрук вызвал полицию. Мы проиграли. Пятидесяти тысяч долларов мне не видать как своих ушей. Но я, по крайней мере, нашел себе хорошую работу. Работу?

Если полиция узнает про мою роль в похищении, то с работы меня выкинут в два счета. Лента с записью спасет меня от суда, и только...

В прокуратуру я приехал часов в девять.

Медоуз оказался высоким худощавым мужчиной с белоснежной шевелюрой. Его цепкие голубые глаза обшарили меня с ног до головы.

— Это Гарри Барбер,— представил меня Джон.— С сегодняшнего дня он работает у нас.

Медоуз протянул крепкую квадратную руку.

— Рад, что вы с нами. Много о вас слышал хорошего.— Пыхтя сигарой, он обошел вокруг стола и опустился в кресло.— Удружил ты мне, Джон! А я с женой и детьми только что собрался покататься на яхте. Что случилось?

— Похоже, шеф, речь идет о похищении, и я подумал, что лучше вам заняться этим делом с самого начала. Сегодня рано утром мне позвонил Мастерс, директор Калифорнийского банка.— Он обернулся ко мне.— У нас есть соглашение со всеми банками о том, чтобы нам немедленно сообщали, когда клиенты срочно берут из банка крупные суммы денег. По опыту мы знаем, что обычно в этом случае речь идет о похищении или о шантаже.

Я вытер платком потный лоб. Такую деталь предусмотреть было невозможно.

— Мастерс сообщил, что Мальрук потребовал открыть банк и выдать ему полмиллиона долларов. Мастерс попробовал убедить его подождать до понедельника, но тот настоял на своем. Такая настойчивость показалась Мастерсу подозрительной, и он тут

же позвонил мне.

— Может быть, Мальруку понадобились наличные для деловой сделки? — заметил прокурор.

— Я узнавал: никаких сделок на примете нет.

— Почему ты думаешь, что девушку похитили? — спросил я, лишь бы сказать что-нибудь.

— Она исчезла,— ответил Джон.— Шофер Мальрука — бывший полицейский. Когда Мальрук переехал сюда, ему понадобился телохранитель. При его богатстве к нему вечно приставали всякие чудаки и сумасшедшие. Он попросил нас порекомендовать ему надежного и опытного человека, который мог бы сойти за шофера и за охранника. О'Рейли зарекомендовал себя толковым полицейским и, кроме того, ему опротивели тогдашние порядки. Он решил уволиться и поступить на службу к Мальруку. Сегодня я говорил с ним. Он сказал, что Одетта собралась пойти вчера с подругой в кино, но на свиданье не пришла. И О'Рейли уверен, что домой она не вернулась.

— Откуда вы знаете, что девушка не ходила в кино? — осведомился Медоуз.

— Подруга позвонила и сказала об этом О'Рейли.

— Мальрук обратился к нам за помощью?

— Нет.— Реник поднялся и принялся ходить взад-вперед по кабинету.— Я поставил нашего человека у банка. Он сообщит нам, как только Мальрук приедет за деньгами.

— Мастерс переписывает номера банкнот?

Реник поморщился.

— Не думаю. Чтобы переписать номера мелких банкнот на сумму в полмиллиона, потребуется целый год.

— Что из себя представляет девушка? Может быть, она просто сбежала с каким-нибудь сорванцом?

— Зачем же тогда Мальруку понадобились эти деньги?

— Кто-нибудь шантажирует его.

Реник пожал плечами.

— Сомневаюсь. Более вероятно, что речь идет о похищении. Что касается девушки, то ей двадцать лет. Хорошенькая, пользуется слишком большой свободой. Мы ее штрафовали раз десять за превышение скорости. Отпечатки ее пальцев у нас есть, а газеты дадут нам любые фотографии.

После долгого размышления Медоуз заметил:

— Если речь идет о похищении, то шума не оберешься. Мы окажемся в центре внимания. И здесь на сцену выходите вы, Барбер,— обратился он ко мне.— Вы должны держать связь с прессой и, поверьте, все газеты Америки мигом пошлют к нам репортеров.— Он ткнул в меня скрюченным пальцем.— Мне нравится реклама, Барбер, но реклама положительная. Ясно? Вы должны мне обеспечить такую рекламу. За это мы вам и платим.

— Понятно,— пробормотал я.

Медоуз обратился к Джону:

— Машина девушки исчезла?

— Да, сэр, ТР-3 белого цвета. О'Рейли сообщил номер машины.

— Надо найти ее. Дай команду нашим ребятам. До тех пор, пока Мальрук не обратится к нам официально, мы ограничены в своих действиях. Нужно поставить в известность ФБР.

— Я займусь этим.

— И немедленно.— Прокурор обернулся ко мне.— Идите пока домой, Барбер. Звоните Джону через каждые два часа, чтобы быть в курсе новостей.

— Непременно.— Я поднялся и в раздумье добавил: — У меня возникла мысль: а что если устроить слежку за Мальруком после того, как он получит деньги? Ведь тогда...

— Ни в коем случае! — резко возразил Медоуз.— А вдруг похитители обнаружат нас и в отместку убьют девушку? Сколько мне тогда достанется неприятностей? Нет, нет, лучше не рисковать. Пока Мальрук не позовет нас, мы и пальцем не пошевельнем.

«Вот где моя зацепка!» — подумал я, вежливо прощаясь с прокурором.

Когда я выходил, Медоуз протянул руку к телефону.

Глава 6

Добравшись до первого телефона, я закрылся в будке и вызвал Лос-Анджелес, отель «Реджент». Через пару минут в трубке раздался голос Одетты.

— Говорит Гарри,— сказал я.— Слушай внимательно. Возникли осложнения. Я не могу объяснить все по телефону, но пока прошу об одном: ни под каким видом не выходи из комнаты. Я еще позвоню. Может быть, завтра тебе придется вернуться.

Я почувствовал, как у нее захватило дыхание от страха.

— Это из-за того мужчины? Из-за пьяного?

— Нет. Еще хуже. Люди, которые должны были вмешаться позднее, уже вступили в дело. Поняла?

И я повесил трубку. Мне было жаль Одетту, но телефонистка коммутатора гостиницы могла подслушать наш разговор.

Я вернулся в кабину и стал бесцельно бродить по гостиной. Затем подошел к окну и закурил. Дождь монотонно стучал по стеклу.

«Хорошо еще, что Мальрук пока не вызвал полицию,— думал я.— Но если полицейские найдут ТР-3 с разбитым бампером, то они воспользуются этим предлогом, чтобы встретиться с ним, и он может проговориться о похищении дочери».

Вдалеке я заметил Рею. Когда она подошла ближе, я поднялся и открыл дверь.

— Муж поехал в банк за деньгами,— с порога объявила она.— Я сказала, что пойду в церковь помолиться за Одетту.

Я не принадлежу к верующим, но такой неприкрытый цинизм покоробил меня.

— Когда вы думаете забрать выкуп? — снимая плащ, спросила она.

— Я совсем не уверен, что нам удастся забрать его.

Рея нахмурилась.

— Как вас прикажите понимать.

— Директор банка и ваш шофер О'Рейли выдали нас. Полиция уже знает, что Одетта похищена.

— Лжете! — Рея, сверкая глазами, вскочила с кресла.— Вы струсили и боитесь ехать за выкупом!

— Вот как? — Ее злость помогла мне справиться с паникой.— Сегодня утром Мастерс, директор банка вашего мужа, позвонил прокурору и сообщил, что Мальрук внезапно потребовал выдать ему полмиллиона долларов. Существует соглашение между управляющими банков и полицией, по которому банки немедленно сообщают о каждой подозрительной выплате

крупных сумм.

— Откуда вы все это знаете?

Я рассказал ей о моей новой работе и о беседе в кабинете окружного прокурора.

— Реник уже говорил с вашим шофером. Может быть, вы не знаете, но ваш слуга — бывший полицейский. Прокурор проанализировал известные ему факты и сделал вывод, что Одетта похищена.

Ломая руки от отчаяния, Рея тяжело опустилась в кресло. Страх и бессильная ярость так исказили ее черты, что она стала похожа на ведьму.

— Что же нам делать? — наконец спросила она и принялась судорожно колотить кулаком по подлокотнику.— Эти деньги мне необходимы.

— Я вас предупреждал, что может вмешаться полиция.

— Отстаньте с вашими предупреждениями! Я спрашиваю вас: что нам делать?

— Я вам расскажу сейчас все подробно.

Она молча выслушала меня, до белизны сжав кулаки.

— Теперь вы в курсе всех событий,— закончил я.— Единственным нашим преимуществом является тот факт, что полиция не станет вмешиваться без просьбы вашего мужа. Все зависит от него. Скажет он полицейским о похищении Одетты, когда они придут допрашивать его об автомашине, или нет?

Рея глубоко вздохнула и с ненавистью посмотрела на меня.

— Где же ваша хваленая ловкость? — злобно воскликнула она.— Ваш хитрый, продуманный план? Неужели вы не могли сообразить, что в этом паршивом кабаке к Одетте непременно привяжется какой-нибудь пьянчуга?

Я молчал, окаменев от такого перла женской логики.

— Вы уснули, что ли? Что будем делать?

— Зависит от вас. Если сможете убедить вашего мужа не обращаться в полицию, то еще не все потеряно.

— Мне необходимы эти деньги!

— Если ваш муж будет молчать, я принесу их вам.

— Он будет молчать! После вашего звонка он сразу решил не обращаться в полицию. Мне даже убеждать

его не пришлось. Итак, завтра ночью мы встречаемся для передачи денег?

— Да, в часа в три. Будьте осторожны с О'Рейли. Постарайтесь, чтобы он не видел, когда вы будете выходить из дома. И еще: мне нужны деньги, чтобы уплатить за аренду кабины. Долларов пятьдесят.

Рея передала деньги.

— До завтра!

— До завтра.— Что-то в ее поведении внушало мне смутное беспокойство.

Я пробыл в кабине часов до двух, затем вышел перекусить и, по возвращении, позвонил Ренику.

Он долго не подходил к телефону, затем в трубке прозвучал его энергичный, заметно взволнованный голос.

— Гарри? Мы нашли машину! Ты знаешь стоянку у Одинокого Залива? Быстрее приезжай, я буду ждать тебя там.

Горло у меня перехватил спазм, и я с трудом выдавил, что выезжаю немедленно.

— Нам повезло: у машины разбит бампер,— говорил мне дорогой Реник.— Теперь у нас есть предлог поговорить с Мальруком. Посмотрим, что он нам скажет.

Я отдал бы все, чтобы предупредить Рею, но предложение Реника немедленно ехать к Мальруку застало меня врасплох и сделать я ничего не мог.

Минут через десять мы прибыли к владениям Мальрука. Вилла скрывалась за высокой каменной оградой. Как только мы приблизились к ограде, из проходной вышел широкоплечий мужчина в серой форме и вопросительно уставился на нас.

— Нам нужна мисс Мальрук,— объяснил Реник.

— Ее нет дома.

— Где ее можно найти?

— Не знаю.

— Тогда я хотел бы поговорить с мистером Мальруком.

— Это невозможно.

— Я — лейтенант Реник из полиции, и пришли мы с официальным визитом.

— Тогда другое дело.— Мужчина зашел в проходную, позвонил и через минуту вернулся обратно, открыв перед нами калитку.

— Пожалуйста, проходите.

Мы двинулись к дому по длинной аллее. По обеим сторонам простирался изумрудный луг, усеянный роскошными клумбами. Наконец вдали показался дом, выстроенный в испанском стиле, с просторными террасами. Перед домом искрились радужные струи изящного фонтана.

— Неплохо! — заметил Джон, когда мы проходили мимо сверкающего «роллс-ройса».— Не отказался бы я иметь такую машину в моем гараже!

— Мне бы тоже не помешало,— откликнулся я, поднимаясь за ним по ступенькам лестницы. Нервы напряглись, как струны. Мои пятьдесят тысяч долларов зависели от того, что скажет сейчас Мальрук.

Мажордом ожидал нас у входа.

Он провел нас через вестибюль, где журчал еще один фонтан, и указал на просторную террасу, выходившую к морю.

На террасе в удобном кресле расположилась Рея, рассеянно перелистывая страницы модного журнала. Она небрежно взглянула на нас через неизменные зеленые очки и снова уткнулась в журнал.

Рядом в кресле сидел загорелый худощавый мужчина в белых брюках и голубой тенниске. Очевидно, это и был Мальрук. Природа не обделила его красотой. Густые седые волосы оттеняли загорелое лицо, на котором ярко выделялись голубые жизнерадостные глаза. Трудно было поверить, что этот человек доживает последние дни.

— Мистер Мальрук? — обратился Реник.

— Да, это я. Прошу садиться. Чем могу быть полезен, лейтенант? — Голос его звучал спокойно и учтиво.

— Позвольте представить вам Гарри Барбера, моего сотрудника,— сказал Джон, но садиться не стал. Выражение лица и интонация Мальрука подсказали ему, что мы не относимся к числу желанных гостей.— Мы надеялись застать мисс, но ее не оказалось дома.

— Верно. А в чем дело?

— Мне жаль беспокоить вас из-за такой мелочи,— как можно любезнее проговорил Джон,— но я занимаюсь сейчас расследованием одного дорожного происшествия. Вчера вечером неизвестная машина сбила женщину, и мы занялись проверкой всех подозрительных автомашин. На стоянке у Одинокого Залива

была обнаружена ТР-3 вашей дочери с помятым бампером. Нам хотелось бы узнать причину аварии.

Я весь похолодел в ожидании ответа Мальрука. Скажет ли он о похищении? Его глаза абсолютно ничего не выражали.

— Если моя дочь сбила бы кого-нибудь, она ни за что бы не уехала,— спокойно ответил Мальрук.— Сейчас она гостит у своих друзей. У кого точно — не знаю. В наше время дети не очень откровенны со своими родителями.

— Когда она вернется? — осведомился Реник.

— Через несколько дней.

— Вы можете объяснить, почему она оставила машину на стоянке у Одинокого Залива?

— Нет. Меня не касается, что делает моя дочь со своей машиной.— Мальрук взял книгу со стоявшего рядом столика.— Когда Одетта вернется, я направлю ее к вам. Уверен, что к вашему происшествию она никакого отношения не имеет. Всего хорошего, лейтенант.

— Вот и все,— проговорил Джон, пока мы шли к машине.— Ну и нервы же у него, а?

Силы вот-вот готовы были оставить меня.

— Не похоже, что девушку похитили,— с усилием сказал я.— Может, деньги понадобились ему для другой цели?

— Не думаю,— покачал головой Джон.— Даже миллионер не потребует открыть банк в воскресенье, если только речь не идет о жизни или смерти. Держу пари, что Одетта похищена. Поехали докладывать шефу.

Медоуз нервно ходил по кабинету, сжимал в зубах потухшую сигару. Реник рассказал ему о найденной машине и о беседе с Мальруком.

— Короче говоря, он не клюнул,— закончил Реник.— Что делать теперь? Дать команду начать поиски девушки?

Медоуз швырнул сигару в корзинку для бумаги.

— Нет. Подождем еще. Не будем рисковать. Мальрук пользуется большим влиянием. Если мы вмешаемся, а девушку убьют, то все шишки посыплются на меня. Лучше подождать.

Джон пожал плечами.

— Как угодно, шеф.

На следующее утро, в девять, я уже находился в прокуратуре. Странно было снова жить по распорядку, сидеть за столом, делать какую-то работу. Секретарь Реника предупредила меня, что лейтенант приедет позднее, и вручила мне целую кипу досье с текущими делами.

Проработав несколько часов, я уже собрался идти обедать, но в это время появился Реник. По его возбужденному виду я сразу понял, что есть новости, и сердце у меня замерло.

— Похоже, что нам опять повезло,— радостно воскликнул он.— Поехали со мной в полицию. Сегодня с утра я перелистывал доклады постовых за субботнюю ночь и наткнулся на интересное сообщение. На стоянке у «Притона пиратов» был обнаружен избитый до потери сознания мужчина. Ты знаешь «Притон пиратов»?

В горле у меня так пересохло, что я не мог произнести ни слова и только кивнул в ответ.

— Мужчине, кажется, проломили голову,— продолжал Реник.— Бармен из «Притона» вызвал полицейского и сообщил, что незадолго до этого он видел, как этот мужчина вышел из бара следом за какой-то девушкой. И добавил, что, по его мнению, эта девушка была Одеттой Мальрук.

— Почему он так думает? — хрипло спросил я.

— Девушка довольно известна в наших краях. Ее фотографии часто печатались в газетах. Бармен уверен, что видел именно ее. Я приказал привезти его в полицейское управление и захватил с собой несколько фотографий девушки. Надеюсь, что он опознает Одетту.

Через десять минут мы уже входили в кабинет сержанта Хаммонда. Бармен ждал нас там.

Реник показал ему фотографии Одетты.

— Это она,— убежденно сказал бармен.— Никакого сомнения.

— В какое время девушка заходила в бар? — спросил Джон, бросив на меня торжествующий взгляд.

— Часов в девять. Она огляделась вокруг, как будто искала кого-то, потом спросила у меня, есть ли в баре другой зал. Я ответил, что есть ресторан, и она направилась туда, но через пару минут вернулась обратно. За ней вышел мужчина. Видно, он уже был под градусом. Недалеко от стойки мужчина схватил ее за

руку, но она вырвалась и вышла из бара. Мужчина последовал за ней.

— Что случилось дальше?

— Минут через десять в бар вошли новые посетители и сообщили мне, что на стоянке лежит раненый человек. Я вызвал полицию.

— Какая-либо машина покинула стоянку за этот промежуток времени?

— Через пару минут после того, как вышла девушка, я услышал шум заводимых моторов двух машин. Похоже, что одна машина была спортивного типа, с мощным мотором, другая — самая обычная.

— Как девушка была одета?

Бармен точно описал наряд Одетты, и Хаммонд сделал пометки в блокноте.

Как только свидетель ушел, Реник предложил:

— Съездим в больницу, поглядим на раненого. Как зовут его, сержант?

— Керби, Уолтер Керби.

Мистера Керби мы застали в постели, с забинтованной головой. Он был очень огорчен своим вечерним приключением и сразу признался, что в субботу вечером был сильно пьян.

— Едва я увидел эту красотку, как мне показалось, что с ней можно поразвлечься,— пояснил он.— Порядочные девушки не заходят в такой кабак. Я попытался заговорить с ней, но она отскочила, как ошпаренная. Подумав, что она просто кокетничает, я вышел за ней на стоянку. Но я здорово ошибся: чем больше я приставал, тем злее она становилась. А когда я попытался обнять ее, откуда-то выскочил мужчина и ударил меня в голову. Вот и все.

— Как выглядел мужчина?

Я стоял рядом с кроватью, и на мгновенье мне показалось, что Керби услышит стук моего сердца.

— Здоровый парень, высокий и крепкий. Вряд ли я узнаю его при встрече. В лицо я его не видел, кроме того, было темно. И потом, все произошло в одно мгновенье.

По дороге в прокуратуру Реник ворчал:

— Зачем она приходила в «Притон пиратов»? Ведь на это время она договорилась пойти с подругой в кино. Почему она изменила свое намерение?

— Может быть, ей позвонил кто-нибудь?

— Возможно. Наверное, так и получилось. Но где

же ее похитили? На стоянке у «Притона»? Я еду к себе: соберу сведения о Керби, в случае, если он замешан в похищении. Но не думаю. Попробую также узнать у О'Рейли, звонил ли кто Одетте в тот день.

Нужные сведения Реник получил только часов в пять. Он сразу примчался ко мне в кабинет и сообщил:

— Без четверти девять ей позвонил некто Джерри Вильямс, студент медицинского института, с которым она иногда встречалась. Я говорил с Медоузом, но он против того, чтобы вызывать Вильямса на допрос. Боюсь, что придется ждать какого-нибудь нового события.

— Я тебе нужен сейчас?

— Можешь идти домой. В случае чего, я позвоню.

— Сегодня вечером я буду занят и, очевидно, вернусь домой поздно.

— Не беда, Гарри. Если ты понадобишься, я пошлю за тобой патрульную машину. Где тебя искать?

— В ресторане «Казино». Я пробуду там до часа ночи, а к двум вернусь домой.

Как только Джон вышел, я позвонил Нине:

— Сегодня вечером я вернусь поздно. Джона я предупредил, что буду дома после двух.

— Повесив трубку, я отправился в кабину и стал ждать.

Глава 7

В час ночи я позвонил на работу, чтобы узнать, нет ли новостей. Затем набрал номер телефона Мальрука.

Из письма Одетты он должен был знать, что после полуночи ему будут звонить по поводу последних инструкций. И действительно, Мальрук сам поднял трубку.

— Монета готова? — грубо спросил я.

— Да.

— Хорошо. Слушайте внимательно. Из дома выезжайте ровно в два. За вами будут следить. На «ройсе» вы поедете к Лидо Ориентале. На одном из участков пути вам будет дан сигнал мигающим светом фонарика. Не останавливайтесь! Проезжая мимо этого места, выбросите из окошка чемодан с день-

гами. На стоянке у Одинокого Залива отыщите машину дочери. Если деньги настоящие и дело обойдется без всяких шуточек, ваша дочь приедет к вам туда. Ждите ее часа в три. Если в три она не появится — возвращайтесь домой. Одетта будет дома. Все ясно?

— Абсолютно.

— Считаем, что мы договорились. И без всяких махинаций. Выезжайте один. За дочь не беспокойтесь: чувствует она себя хорошо, но если вы попробуете хитрить. Вы меня понимаете?

— Понимаю.

Нужно признаться, что Мальрук обладал завидным хладнокровием.

Сразу после этого разговора я поехал в аэропорт, чтобы встретить Одетту. Через несколько минут с толпой пассажиров она вышла с летного поля. На ней был рыжий парик и белое с голубым платье, глаза скрыты под темными очками. Она нервно озиралась по сторонам.

Я направился к ней сквозь толпу. Увидев меня, она двинулась навстречу.

— Привет,— сказал я.— Пошли к машине...

Тяжелая мужская рука опустилась на мое плечо; такие хваткие руки бывают обычно у полицейских. На мгновенье я замер, потом с усилием обернулся. Мне дружески улыбался высокий загорелый мужчина лет пятидесяти.

— Гарри! Какая встреча! Как дела, каторжник пропащий?

Это был Тим Каули из «Пасифик геральд», первоклассный журналист, частенько приезжавший в Палм-Сити; раньше я с ним неоднократно работал вместе и сыграл не одну партию в гольф.

Онемев от страха, я крепко сжал руку Тима, судорожно пытаясь прийти в себя. Рядом замерла Одетта. Неужели она не догадается незаметно отойти в сторону?

— Черт побери! Тим! Откуда ты?

Каким-то чудом голос вернулся ко мне.

— Я только что прилетел. Как поживаешь, Гарри?

— Нормально. Рад тебя видеть.

Цепкие проницательные глаза Тима с любопытством уставились на Одетту.

— Эй, не скрывай от меня такую красавицу! Представь же меня, счастливчик!

— Мисс Энн Харкорт, Энн, это Тим Каули, великий журналист.

Слишком поздно Одетта заметила грозившую опасность. Она шагнула назад, испуганно поглядывая то на меня, то на Тима, как будто вот-вот собиралась убежать.

Я едва успел схватить ее за руку.

— Энн — подруга Нины,— объяснил я.— Она летит в Лос-Анджелес, а на ночь остановится у нас.— Я так стиснул запястье Одетты, что она сморщилась от боли.— А что у тебя хорошего, Тим?

— Так себе, обычная ерунда,— небрежно ответил он, продолжая пристально разглядывать Одетту.— Ты на машине, Гарри? Не подвезешь ли меня до города?

— Очень сожалею, но мы едем в обратную сторону. Нина уже ждет нас.— Я обернулся к Одетте.— Машина на стоянке. Иди туда, я догоню тебя.— Мне пришлось почти толкнуть ее, чтобы она пришла в себя и убралась с глаз долой.

Каули проводил ее задумчивым взглядом.

— Бедная девочка,— вздохнул я.— Такая робкая, что при виде незнакомого мужчины слова вымолвить не может.

— Похоже. Вид у нее такой, будто она напугана до смерти. Что с ней?

— Какое-то психическое расстройство. С женой они дружат, а меня тошнит при виде ее.

Тим рассмеялся.

— Это пройдет с возрастом. Ну, ладно. Так чем ты сейчас занимаешься, Гарри?

Я рассказал ему о моей новой работе.

— Нужно нам как-нибудь на днях встретиться, поговорить подробнее,— закончил я.— А теперь мне пора. Боюсь, как бы девица в обморок не упала без меня.

Тим снова засмеялся.

— Беги, Гарри. Я, как всегда, остановлюсь в «Плаце». До встречи!

Я вернулся к машине, уселся за руль и, заводя мотор, накинулся на Одетту.

— Что на тебя нашло? Почему ты не могла незаметно отойти в сторону?

Она укоризненно посмотрела на меня.

— Он видел, как мы разговаривали. Мне казалось,

что будет более разумно остаться.

— Ну, ладно. Главное, лишь бы он не узнал тебя.

Через двадцать минут мы уже были у кабины. Дорогой я рассказал девушке о последних событиях и затем передал ей ключи от кабины.

— Иди переоденься и жди меня. Я должен вернуться в половине третьего.

— Буду ждать,— ответила она и неожиданно улыбнулась.— Поцелуй меня, Гарри.

Она подошла ко мне, я обнял ее за плечи, и наши губы встретились.

— Как жаль, что ты женат, Гарри.

— Что делать! — ответил я.— Но не думай, менять жену я не собираюсь.

— Жаль,— задумчиво повторила она.

Я завел мотор.

— До свидания!

Машина тронулась, а она молча стояла у ступенек и смотрела мне вслед.

Я уже выбрал место, откуда подать сигнал Мальруку. В густом кустарнике я мог спрятать машину и наблюдать отсюда за большим участком дороги.

Прибыв на место, я спрятал машину и обшарил ближайшие кусты, чтобы убедиться, что там никого нет. Наконец я вернулся на избранную позицию и в ожидании присел на траву.

Если Мальрук выедет ровно в два, то здесь он должен быть минут через десять. Я мог еще выкурить сигарету.

Нервы были напряжены до предела. А если старик подстроит мне западню? Если он захватит с собой О'Рейли? Или если О'Рейли с пистолетом в руке притаился в соседних кустах?

Вдали показались фары автомашины, и я поспешно погасил сигарету.

При свете луны отчетливо был виден приближавшийся «роллс-ройс».

Спереди виднелся силуэт одного лишь водителя, но О'Рейли мог притаиться на заднем сиденье.

«Ройс» почти поравнялся со мной, и я стал ритмично нажимать на кнопку фонаря. Машина замедлила ход, и Мальрук, с трудом подняв тяжелый чемодан, выбросил его в окошко. Чемодан глухо стук-

нулся о землю в нескольких метрах от меня.

Автомашина увеличила скорость и вскоре исчезла в направлении Одинокого Залива.

Обессиленный, я неподвижно сидел на траве. Черный чемодан четко выделялся на сером асфальте. Прямо не верилось, что целая куча денег лежит в нескольких шагах от меня. Я поднялся, вышел на дорогу, схватил чемодан и бросился к «паккарду». Чувствовал я себя на седьмом небе. Все оказалось так просто! И в кармане у меня пятьдесят тысяч долларов.

Минут без двадцати три я подъехал к кабине. Крепко сжимая ручку чемодана, я огляделся. Машины Реи на стоянке не было.

Странно. По времени она уже должна приехать. Вряд ли она пришла пешком. В чем же тогда дело?

Может быть, О'Рейли помешал ей выйти из дома, и она придет позднее? Ну, что же, тем хуже для нее. Я заберу свою часть, отдам остальное Одетте и отправлюсь домой.

Свет в кабине не горел, но это было вполне объяснимо: Одетта решила не привлекать внимание случайных прохожих. Однако и на террасе тоже никого не было. Смутное беспокойство охватило меня.

— Одетта!

Молчание. Слышался только шум кондиционера. Поток свежего воздуха струился из открытой двери, обдувая мое разгоряченное лицо.

Я вошел в кабину, закрыл за собой дверь и поставил чемодан на стол. В комнате ничего не изменилось за мое отсутствие. В смятении я прислушался, ощущая растущую тревогу.

— Одетта! — снова крикнул я.— Ты где?

Тишина действовала на меня угнетающе. Неужели Одетта в последний момент испугалась? Нет, скорее всего, она просто задремала в ожидании.

Я прошел в спальню, зажег свет и облегченно вздохнул. Одетта лежала в кровати, отвернувшись к стенке; ее черные волосы разметались по подушке. Рядом на полу валялся рыжий парик.

— Эй, проснись! Я привез деньги!

И только теперь я заметил ее посиневшее лицо, выпученные глаза, нейлоновый чулок, стянутый вокруг шеи.

Одетта была мертва.

Еле живой от страха, я вернулся в комнату и налил

рюмку.

Но виски не помогло.

Где же Рея? Я посмотрел на часы. Четверть четвертого. Почему она не пришла? Нужно срочно это выяснить.

После минутного колебания я позвонил в дом Мальрука. Ответил мажордом. Похоже было, что он не спал, ожидая возвращения хозяина.

— Попросите, пожалуйста, миссис Мальрук,— сказал я.— Говорит Хаммонд. Она ждет моего звонка.

— Весьма сожалею, но госпожа спит. Я не могу беспокоить ее.

— Мне нужно срочно поговорить с ней.

— Мне очень жаль, мистер Хаммонд,— голос мажордома звучал вполне искренне.— Госпожа нездорова. Доктор дал ей сильную дозу снотворного и будить ее никак нельзя.

— Извините, я не знал... Спасибо.

Что означает все это? Может быть, Рея притворилась больной, чтобы иметь возможность незаметно выйти из дома? Или она действительно больна?

Я вытер вспотевшие от волнения руки. Мальрук сейчас уже приехал к Одинокому Заливу и ждет там свою дочь. Не дождавшись ее к положенному времени, он вернется домой и... Сколько ему потребуется, чтобы позвонить в полицию?

Неожиданно жуткая мысль блеснула в моем сознании. Магнитофонная лента с записью, которую я так бережно сдал на хранение, не спасет меня от беды. Она пригодилась бы в случае обвинения в ложном похищении, но когда речь идет об убийстве... В этом убийстве могли обвинить меня. Полиция предположит, что мы с Одеттой поссорились при дележе добычи, и я убил ее.

Я не мог оставить труп в кабине. Билл Холден обнаружит его и немедленно сообщит в полицию. Те, в свою очередь, спросят, кто арендовал кабину, и он назовет меня. Возникнет вопрос: почему я, будучи без работы и без цента в кармане, на целых две недели снял дорогую кабину? Меня спросят, где пропадал я в этот вечер. Тим Каули видел меня с девушкой, и сыщики в два счета докажут, что Энн Харкорт была на самом деле Одеттой Мальрук.

Прежде всего необходимо избавиться от трупа Одетты.

Сама мысль о том, что придется дотронуться до ее тела, вызвала у меня приступ тошноты, но что делать? Нужно где-нибудь спрятать ее, а потом постараться встретиться с Реей.

Я решил отвезти труп в старую заброшенную шахту, находившуюся в паре километров от шоссе. Там он может пролежать целую вечность и вряд ли кто наткнется на него.

Неприятно поступить так с бедной Одеттой, но приходилось заботиться о собственной шкуре. Я выпил еще рюмку виски, собрался с духом, вышел на улицу и подогнал «паккард» к самым ступенькам. Затем открыл багажник и направился в спальню. Стараясь не смотреть на Одетту, я набросил на нее одеяло. Тело оказалось неожиданно тяжелым. Я отнес девушку в багажник, осторожно выдернул из-под нее одеяло и захлопнул крышку.

Состояние мое было ужасным. Я вернулся в кабину, выпил третью рюмку виски и пошел застелить постель. Затем я сунул рыжий парик в чемодан Одетты и проверил, не остались ли в комнате ее вещи.

У дверей мне бросился в глаза чемодан с деньгами. Я совсем забыл о нем, да он и не интересовал меня больше: эти деньги были запачканы кровью.

Погасив свет в кабине, я взял чемодан, швырнул его в багажник рядом с Одеттой и сел за руль. Мне нужно было проехать километров десять, чтобы добраться до шахты. В это время шоссе было пустынное, если не считать полицейских патрулей. Лишь бы не привлечь их внимание!

Я находился уже на полпути к шахте, как вдруг у светофора на перекрестке заметил полицейского. Когда до перекрестка осталось метров тридцать, зеленый глазок сменился красным и мне пришлось затормозить.

Затаив дыхание, я неподвижно сидел в машине, пытаясь не обращать внимания на полицейского, но казалось, что мы с ним единственные жители на всей планете. Только для нас вспыхивали и гасли неоновые рекламы вдоль шоссе, только нам светила большая желтая луна.

В отчаянии смотрел я на светофор, как будто мой взгляд мог заставить его переключиться, красный цвет казался мне символическим сигналом опасности. Я так крепко вцепился в руль, что пальцы мои побелели.

Полицейский откашлялся и сплюнул.

Когда же, наконец, будет зеленый? Пот выступил у меня на лбу.

Но вот появился спасительный зеленый свет, и я осторожно отпустил тормоз. Машина дернулась вперед, затем раздался странный металлический скрежет, и она замерла на месте.

Я лихорадочно хватался за переключатель, за тормоз, за акселератор, мотор выл на полных оборотах, но машина не двигалась с места.

Я понял, что после многих лет верной службы мой «паккард» объявил забастовку. Может быть, отлетел всего лишь один какой-нибудь винтик, но я застрял на дороге, с трупом в багажнике, в десяти шагах от полицейского.

Снова зажегся красный свет.

Полицейский снял берет и почесал затылок. Красная свирепая физиономия и пожилой возраст ясно говорили о том, что он принадлежал к полицейским старой школы.

Я включил задний ход, надеясь убраться с дороги, но тщетно.

Снова вспыхнул зеленый. Полицейский ленивой походкой подошел ко мне.

— Ты что, ночевать собрался здесь, красавчик? — спросил он грубым простуженным голосом, который, как нельзя больше соответствовал его облику.

— Машина сломалась...

— Ах, вот как? И что же ты собираешься делать?

— Есть здесь поблизости гараж?

— Вопросы задаю я! И хочу знать, что ты собираешься делать?

— Поискать тягач,— ответил я, стараясь унять дрожь в голосе.

— Ах, так? А что пока делать с твоей колымагой?

— Если вы мне поможете, мы оттащим ее на обочину.

Полицейский почесал за ухом дубинкой и свирепо взглянул на меня.

— Вот как? Разве я похож на идиота, который только и мечтает, чтобы подтолкнуть машину какого-нибудь красавчика? Скажу тебе по секрету: видеть не могу машины, а еще больше — всяких полуночников. Убирай свою телегу или попадешь за решетку!

Я вышел из машины и попытался сдвинуть ма-

шину в сторону. Но дорога здесь шла чуть-чуть в гору, и «паккард» застыл как вкопанный. Я весь вспотел, прыгая вокруг машины, но ничего не добился. Полицейский невозмутимо наблюдал за мной, склонив голову набок.

— А ты силён, красавчик! — заметил он.— Считай, что ты арестован. Предъяви документы.

Задыхаясь, я рухнул на сиденье, вытащил документы и чудом сообразил дать ему мое новенькое удостоверение агента по связи с прессой.

— Это что за штука? — в недоумении спросил он.

— Я работаю в окружной прокуратуре помощником лейтенанта Реника.

— Реника? Почему вы не сказали мне об этом? Мы были приятелями с лейтенантом, пока его не продвинули в прокуратуру.— Полицейский вернул мне документы.— Пожалуй, ничего со мной не станется, если я помогу вам.

Вдвоем мы кое-как оттащили «паккард» на обочину, но тревожные мысли по-прежнему обуревали меня. Что делать дальше? Я не мог оставить машину в каком-нибудь гараже.

— Где здесь ближайший гараж? — спросил я, вытирая потный лоб.

— Километрах в двух отсюда, но сейчас он закрыт. Если появится патрульная машина, я попрошу, чтобы вас дотащили туда.

Через дорогу я заметил вывеску бара.

— А что если позвонить в гараж?

— Толковая мысль. Я посторожу здесь. Скажите хозяину гаража, что звоните по моей рекомендации. Меня зовут О'Флаерти, мы с ним знакомы.— Он вытащил записную книжку и продиктовал мне номер телефона.

Когда я вернулся из бара, полицейский с видом сообщника подмигнул мне.

— Держу пари, что бармен ругался, как сапожник.

— Еще хуже!

— Когда увидите лейтенанта, скажите, что я часто вспоминаю о нем,— продолжал О'Флаерти.— Это самый толковый человек во всей нашей полиции.

— Обязательно передам ему. И большое, большое вам спасибо.

На его красном обветренном лице неожиданно появилась улыбка.

— Хорошие люди всегда должны помогать друг другу. До свидания! — и он, насвистывая, пошел по шоссе.

Я зажег сигарету. Что делать, когда машину отвезут ко мне домой? Ведь там Нина. Если она увидит, как я буду выносить тело Одетты... Днем ничего нельзя сделать. Может быть, ночью... Черт возьми! Мне казалось, что я схожу с ума.

Минут через десять из гаража прибыл маленький грузовичок. За рулем сидел худой как палка мужчина, типичный ирландец. Он был так зол, что, даже не послав меня к черту, сразу отправился к машине.

— Полетела коробка передач,— объявил он.— Работы на неделю и обойдется вам не дешево.

— Отбуксируйте машину ко мне домой.

— Вы не желаете, чтобы я отремонтировал ее?

— Нет.

— И из-за такого пустяка вы подняли меня с постели?

Это было уже слишком.

— Я сотрудник окружной прокуратуры,— повелительно произнес я.— Перестаньте болтать и делайте, что вам говорят.

Его чуть не хватил удар от злости, но он повиновался, влез за руль грузовика, а я уселся рядом. Ехали мы молча.

У дома я спросил:

— Сколько?

— Пятнадцать долларов.

Вытащив бумажник, я с трудом набрал одиннадцать долларов и протянул их ирландцу.

— Хватит с вас и этого.

Он испепелил меня взглядом, схватил деньги и отбыл восвояси.

Заперев дверь гаража на ключ, я вошел в дом. К счастью, Нина спала. На секретере лежала ее сумочка. Я осторожно вытащил оттуда ключи от машины. Вдруг ей вздумается открыть багажник в мое отсутствие?

По дороге в спальню я остановился перед зеркалом. Вид у меня был жуткий.

Я надевал пижаму, когда зазвонил телефон.

— Гарри? — послышался голос Джона.— Ее действительно похитили! Приезжай немедленно!

Спазм сдавил мне горло.

— Ты слышишь, Гарри?
— Слышу...— с усилием ответил я.

Глава 8

Реник ожидал меня в полицейском управлении. Когда я вошел, он вместе с капитаном Рейджером и федеральным агентом Барти рассматривал карту района. Джон бросился мне навстречу:

— Наш час пробил, Гарри! Мальрук заплатил выкуп, и дочь ему, конечно, не вернули. Мы едем сейчас к нему, собирайся, ты тоже будешь присутствовать при разговоре.

— Что случилось, конкретно?

— Похитители обещали, что он встретит дочь на стоянке у Одинокого Залива. Мальрук прождал там час, затем вызвал нас. Капитан,— обратился он к Рейджеру,— можете реквизировать машину. Прикажите сфотографировать ее.

— Будет сделано,— ответил Рейджер.— Нужно также организовать контрольные посты. Через час весь район будет оцеплен так, что муха не пролетит.

— Разумеется, девушки уже нет в живых,— заметил Барти, плотный широкоплечий мужчина лет сорока.— Если бы этот старый осел предупредил нас заранее, мы могли бы переписать номера банкнот.

— Напрасно ты его ругаешь,— возразил Джон.— На его месте я поступил бы точно так же. Деньги для него ничего не значат, лишь бы дочь вернули.

— Он мог бы сообразить, что дочери ему больше не видать. Знаешь, Джон, чем дольше я думаю, тем крепче уверен, что здесь замешан кто-нибудь из местных.

— Согласен.

Я насторожился.

— Почему вы так думаете?

— Еще до кино ей позвонил Джерри Вильямс. Однако я узнал, что Вильямс с четверга лежит в больнице со сломанной ногой. Выходит, звонить он не мог. Это означает, что убийца воспользовался его именем. Но откуда он знает о существовании Вильямса? И еще. Почему они выбрали именно «Притон пиратов»? Этот бар находится на отшибе, но знают о нем

только местные жители.

За разговором мы прибыли к вилле Мальрука. Хозяин сразу же принял нас в зале, обставленном старинной мебелью. Выглядел он очень больным и измученным.

— Присаживайтесь, господа,— любезно пригласил он.— Очевидно, вы пришли сообщить, что моей дочери уже нет в живых?

— Что вы, мистер Мальрук! — в замешательстве проговорил Джон.— Мы не теряем надежды найти ее в добром здравии. Скажите, вы уже знали, что она похищена, когда утром мы разговаривали с вами?

— Да. Но похититель пригрозил убить Одетту, если я сообщу в полицию. Трудно было прийти к такому решению, но я предпочел молчать.

— Понимаю. Когда вы видели вашу дочь последний раз?

— В субботу вечером, часов в девять. Она собиралась [illegible] потом подруга, с которой она договорилась встретиться, позвонила и сообщила, что Одетта не пришла на свидание. Однако я отнесся к этому спокойно [illegible] дочь легко меняла свои планы. Ей звонил Вильям, и я подумал, что она отправилась с ним. А часов в двенадцать мне позвонил похититель...

Мальрук рассказал о дальнейших подробностях исчезновения Одетты и закончил:

— Не дождавшись дочери, я сообщил все первому встречному полицейскому, а он предупредил вас.

— Мы поставили человека на стоянке,— успокоил его Реник.— Если ваша дочь появится там, немедленно сообщат. Вы видели человека, сигналившего вам фонариком?

— Нет. Он прятался в кустах.

— Необходимо осмотреть эти кусты. Вы не могли бы показать нам это место?

— Я очень болен, лейтенант. В предвидении вашего вопроса я набросал маленький план.— Мальрук протянул лист бумаги Ренику, который, изучив план, передал его Барти:

— Может, доедешь туда, Фред? Как только станет известно о похищении, к этим кустам ринутся толпы любопытных, которые растопчут все следы.— И обернулся ко мне: — Отвези его, Гарри, а потом вернешься за мной.

Барти кивнул в знак согласия и направился к выходу.

я пошел следом.

— Крепкий старикан,— заметил агент ФБР, пока машина на полной скорости неслась по шоссе.— Вряд ли я мог бы держать себя так спокойно, узнав о пропаже единственной дочери!

Странно было вновь увидеть кусты, где я прятался всего лишь три часа тому назад. Барти сразу же принялся за работу, и меня поразила его ловкость. Минут через двадцать он позвал меня:

— Пожалуй, я собрал все возможные улики. Мужчина находился вот здесь. Видите, на мягкой земле отпечатался след его ботинка. Отличный получится слепок! Правда, пригодится он только в том случае, если мы поймаем человека с такими же ботинками на ногах. Вот окурок «Лаки Страйк», но как улика он ничего не стоит, разве если нам удастся доказать, что этот мужчина курит «Лаки». В таком случае, на суде будет еще одно очко в нашу пользу.

Приехавший с нами агент сообщил Барти, что он обнаружил место, где была спрятана машина. Мы подошли ближе, и я увидел, что именно здесь несколько часов тому назад стоял мой «паккард».

— Остался хороший след покрышки,— удовлетворенно заметил агент.— Есть также масляное пятно. Похоже, в машине что-то неисправно, масло подтекает.

Барти тщательно осмотрел следы и выругался.

— Вот что, Барбер,— сказал он.— Может быть, вы поедете за Джоном? Скажите ему, что мне здесь работы часа на два.

— Хорошо,— сказал я и через полчаса уже снова подъезжал к дому Мальрука. Я даже стал сомневаться в реальности происходящего. Казалось, что все это происходит в кошмарном сне, и я почти всерьез надеялся, что в один прекрасный момент неожиданно проснусь и все станет на свои места.

У виллы Мальрука уже стоял Реник. В руках он держал чемодан, который несколько часов назад бросил к моим ногам Мальрук. Сомнений быть не могло. Джон швырнул чемодан на заднее сиденье и сел рядом со мной.

— Нашел Барти что-нибудь?

Я вкратце рассказал ему об успехах Барти, но мысль о чемодане неотступно преследовала меня. Я твердо знал, что оставил его в багажнике «паккарда», а сейчас он лежал на сиденье рядом.

— А это откуда? — не выдержав, кивнул я на чемодан.

— У Мальрука было два совершенно одинаковых чемодана. В одном из них он вручил деньги похитителю, а этот я взял с собой. Пусть ребята сфотографируют его. Вдруг похититель выкинул чемодан, чтобы избавиться от лишней улики. Если мы его обнаружим, то на нем могут сохраниться отпечатки пальцев. А сейчас поедем к шефу. Возможно, теперь он разрешит сообщить газетам о похищении.

Медоуз уже ожидал нас. Когда Реник закончил свой доклад, прокурор вышел из-за стола и принялся расхаживать взад-вперед по кабинету.

— Теперь — вперед, полным ходом,— проговорил он, наконец, после длительной паузы.— Мы еще успеем передать сообщение в вечерние газеты. Он ткнул в моем направлении скрюченным пальцем.— Наступил ваш черед, Барбер. Мне нужна полная поддержка прессы. Не мне учить вас вашему ремеслу. Помните одно: обе [illegible] мне положительную рекламу. Ясно? А ты, Джон,— обратился он к Ренику,— также включайся на полную мощность. Никаких промахов! Преступник должен быть арестован!

— Ясно,— ответил Джон.— Я сейчас же переговорю с Рейджером, а потом займусь журналистами.

Вдвоем с ним мы направились в кабинет капитана Рейджера.

— За дело, Гарри,— поторопил меня Джон.— А я пока поговорю с капитаном.

С трудом я нашел в себе силы задать ему вопрос, который давно мучил меня.

— Ты, случайно, не видел жену Мальрука, когда был на вилле?

Он слегка удивился и отрицательно покачал головой.

— Мальрук сказал, что у нее был сердечный приступ и она лежит в постели.

Рейджер изумленно вытаращил глаза:

— Приступ? Вот уж не похоже на нее!

Джон нетерпеливо отрезал:

— И что в этом странного? С нею случилась истерика, пока они ожидали звонка похитителя. Мальрук вызвал доктора, который прописал ей большую дозу снотворного, и она до сих пор еще не пришла в себя.

С трудом произнося слова, я спросил:

— Ты проверил у доктора эту версию, Джон?

Реник нахмурился.

— Послушай, не будем терять время на пустяки. Похоже это на нее или нет, но ей стало плохо. Об этом сказал нам Мальрук, и у нас нет оснований сомневаться в его словах. А сейчас — за работу.

В последующие три часа я не мог отойти от телефона. Едва я опускал трубку, как снова раздавался звонок. К десяти часам толпа возбужденных журналистов заполнила вестибюль.

В десять тридцать я отвел их всех к Медоузу. Прокурор оказался мастером проводить пресс-конференции. Сидевшие рядом с ним Рейджер и Барти выглядели жалкими статистами. Медоуз держался на сцене, как примадонна.

Обрадовавшись передышке, я вернулся к себе в кабинет.

И тут же, в тысячный раз за это утро, зазвонил телефон.

— Гарри,— прозвучал в трубке голос Нины,— мне нужна машина, но нигде не могу найти ключи. Ты не брал их?

Машина! В суматохе последних часов я совсем забыл о «паккарде» и о его жутком грузе.

— Я не успел предупредить тебя: машина не в порядке, вышла из строя коробка передач. Вчера ее еле дотащили до дома на буксире.

— Что же делать? Нужно срочно развезти готовые вазы заказчикам. Я вызову механика.

— Ни в коем случае! Придется покупать новую коробку передач, а у нас пока нет денег. Поезжай в такси. Извини, Нина, я очень занят. До вечера! — и повесил трубку.

Не успел я оправиться от этого потрясения, как дверь распахнулась и в комнату вошел Тим Каули.

При виде его кровь застыла у меня в жилах.

— Привет, старина! Как вижу, ты оказался в самом центре событий.

— Ты напрасно теряешь здесь время,— сказал я первую пришедшую на ум фразу.— Все журналисты на пресс-конференции у прокурора.

Тим скорчил презрительную гримасу.

— Что путного может сказать этот пустозвон? Для него главное — увидеть в газетах фотографию его пошлой морды.— Он опустился в кресло.— В своей

статье я напишу все совсем по-другому, чем эти борзописцы, которые будут петь со слов твоего шефа. В моем изложении статья прогремит на всю страну. Самый толковый у вас человек — это Реник. С ним я и поговорю.— Тим закурил и уставился на меня своими проницательными глазами.— Здесь считают, что девушка уже мертва, не так ли?

— Пожалуй, так. Но точно мы ничего не знаем.

— Как это воспринял Мальрук? Я пытался прорваться к нему, но дом охраняет полиция.

— Он держит себя в руках. Бедняга! Подумать только, что жить ему осталось считанные дни.

— А как отнеслась к событию его прекрасная половина?

— С ней случился сердечный приступ.

Каули удивленно вытаращил глаза:

— Что?

— Сердечный приступ. Неужели непонятно?

Он откинул голову на спинку кресла и расхохотался.

— Хорошенькое дельце! А я готов был спорить, что от радости она запляшет канкан.

— Почему?

— Ведь семья Мальруков — французы, не так ли? А ты знаешь что-нибудь о французских законах в отношении наследства?

— Ни грамма.

— По их законам, дети наследуют половину родительского состояния. Это означает, что девушке причиталась ровно половина миллионов Мальрука. Даже если старик захотел бы оставить все своей жене, он не смог бы этого сделать: закон охраняет права ребенка. Представляешь, какую кучу зелененьких бумажек получит теперь прекрасная Рея?

Дрожь пробежала по моей спине.

— Если похитители убили девушку, как это, похоже, случилось,— продолжал Тим,— то Рея Мальрук унаследует все состояние до последнего цента. Поэтому я и удивился, что с ней случился припадок. Может, от радости...

Так вот оно что! Вот почему убили Одетту! Ложное похищение оказалось мизансценой преступления. Рея решила использовать меня в качестве козла отпущения.

— Что с тобой, Гарри! — спросил Тим.— Вид у тебя такой, будто ты проглотил скорпиона.

В этот момент прогудел зуммер внутреннего телефона. Я опустил переключатель и услышал голос Медоуза:

— Зайдите ко мне! Немедленно!

Облегченно вздохнув, я быстро направился к двери.

В полдень началась облава в поисках Одетты Мальрук, ее размах испугал меня. На всех выходящих из города шоссе были установлены контрольные посты. На помощь вызвали воинскую часть из ближайшего гарнизона. В общей сложности свыше тысячи солдат и полицейских поделили между собой зону на участки и принялись прочесывать дом за домом. Три вертолета кружили над городом и его окрестностями, держа связь с прокуратурой по радио.

Когда журналисты разошлись, Реник вернулся в кабинет. Перед этим он ездил в больницу и снова говорил с Керби.

— Что нового? — спросил его Медоуз.

— Ничего. Однако Керби по-прежнему утверждает, что мужчина был высокий и крепкий. Это уже кое-что. Теперь мы знаем, что нужно искать рослого крепкого мужчину, который курит «Лаки», имеет не совсем исправную машину и весит примерно 80 килограммов.

— Как вы установили вес?

— С помощью отпечатка его подошвы. Барти проделал ряд экспериментов. Контрольный отпечаток достиг той же самой глубины, когда полицейский весом в восемьдесят килограммов оставил свой отпечаток рядом с отпечатком преступника.

Медоуз удовлетворенно хмыкнул:

— Еще немного таких сведений, и мы сможем составить фоторобот.

Я слушал этот разговор, и все мускулы мои ныли от напряжения. В это мгновенье дверь распахнулась, в комнату почти вбежал Рейджер. Его обычно спокойное лицо сияло от возбуждения.

— Добрые известия! — с порога крикнул он.— Один тип, хозяин небольшого магазина, заявил в полицию об автомобильном инциденте. Зовут его Герберт Кари. Вчера вечером он с женой ездил к своим родственникам, проживающим у Одинокого Залива. Когда он выбирался со стоянки, туда въезжала ТР-3 и Кари,

дав задний ход, налетел на нее.

Рейджер продолжал свой рассказ, а я отошел к окну и закурил, отвернувшись от присутствующих: я чувствовал, что побледнел как мертвец.

— ТР-3 оказалась машиной Одетты, Кари записал ее номер. Он признает, что был неправ, и... вы только послушайте! За рулем ТР-3 сидел мужчина! — Рейджер говорил своим обычным грубым голосом, голосом полицейского, и каждое его слово разило меня, как удар кинжала.— Наверняка это был один из похитителей. И хотя в столкновении виноват был Кари, этот тип не пожелал остановиться. Он бросил машину на стоянке и скрылся.

— Нужно немедленно доставить сюда Кари,— заявил Реник.

— Он будет здесь с минуты на минуту. Я послал за ним патрульную машину.

Невероятным усилием мне удалось взять себя в руки. Я отошел от окна и небрежно проговорил:

— Пойду к себе. Работы еще непочатый край...

— Эй! — возразил Реник.— Останься! Послушай, что расскажет Кари.

Узнает ли меня этот человек? Вдруг он крикнет при всех: «Вот он!»

Я уселся за свободный стол.

Рейджер, изучавший настенную карту района, неожиданно воскликнул:

— Вы помните заброшенную шахту около шоссе № 7? В ней легко можно спрятать труп. Надо будет там выставить пост.

И сразу же поднял трубку, чтобы отдать нужные распоряжения.

«Эти люди — профессионалы,— с отчаянием подумал я.— Где же спрятать теперь Одетту? На каждом шагу выставлены контрольные посты и тысяча человек обшаривают каждый дом, каждый кустик в поисках девушки...»

Телефон продолжал звонить. Докладывали командиры патрулей. Поисковые группы приближались к моему дому.

Внезапно дверь распахнулась, вошли Герберт Кари и его супруга.

Пара выглядела комично: он был на голову ниже ее; солидная лысина сверкала от пота, а в руках он нервно вертел шляпу.

Высокая дородная супруга с маленькими колючими глазками была настроена весьма воинственно и сразу же накинулась на Медоуза.

Столкновение, заявила она, произошло не по их вине. Тот факт, что незнакомец убежал, доказывает это. По какому праву их привезли сюда? Им нужно следить за магазином. Неужели Медоуз думает, что можно положиться на глупую девчонку-продавщицу? И дальше в том же духе, невзирая на попытки прокурора успокоить ее.

Охваченный паникой, я, как истукан, сидел за столом, уставившись на Кари. В этом и заключалась моя ошибка. Мой пристальный взгляд привлек его внимание, и Кари неожиданно обернулся в мою сторону.

Увидев меня, он насторожился. Сердце мое замерло. На какую-то секунду Кари отвел взгляд, но затем снова уставился на меня. Наши глаза встретились. Целую минуту, длившуюся вечность, мы смотрели друг на друга, затем он отвернулся, снова робкий и неуверенный в себе.

— Автомобильный инцидент нас не интересует,— говорил в это время прокурор. — Мне нужно описание внешности этого человека.— Оставив в покое великаншу, он обернулся к Кари.— Вы говорили с ним?

Кари нерешительно кивнул.

— Да, сэр.

— Опишите его.

Человек, бросив осторожный взгляд на жену, снова уставился на Медоуза. Шляпа выпала у него из рук, и он, покраснев, неловко поднял ее с пола.

— Видите ли... по-моему, он был очень высокий, господин прокурор. Но в темноте я плохо рассмотрел его.

— Высокий и плотный?

— Да, сэр.

— Я бы не сказала,— вмешалась супруга.— Действительно, он был высокий, но не очень уж плотный. Он примерно похож на вас,— и она ткнула пальцем в прокурора.

Медоуз укоризненно поморщился и заметил:

— Я разговариваю с вашим супругом. До вас дойдет очередь позже.

— Мой муж никогда ничего толком не помнит,— невозмутимо возразила госпожа Кари.— Без толку с ним говорить. Я-то уж знаю его... Вот уже двадцать

шесть лет как мы женаты.

Не обращая на нее внимания, Медоуз продолжал допрос:

— Итак, мистер Кари, вам показалось, что мужчина был высокого роста. А точнее?

Кари виновато посмотрел на жену и нерешительно произнес:

— Трудно сказать. В темноте не разглядишь. Но мне кажется, что он был очень высокий.

Медоуз снова недовольно поморщился и указал на Реника:

— Примерно, как он?

Кари посмотрел на Джона, снова уронил шляпу и вконец смутился:

— Наверное. А может, и выше.

Медоуз нетерпеливо обернулся ко мне.

— Встаньте, пожалуйста! — приказал он.

Самый высокий из присутствующих, я медленно поднялся. Сердце у меня колотилось так, что, казалось, готово было выскочить из груди.

Кари пристально разглядывал меня.

— Мне кажется,— медленно, но на этот раз уверенно, проговорил он,— этот господин ростом и телосложением в точности похож на того мужчину.

Я в изнеможении сел. Кари неотрывно смотрел на меня.

— Хорошо. Не скажете ли теперь, мистер Кари, как был одет незнакомец?

— Не ручаюсь на сто процентов, но, по-моему, на нем был костюм спортивного типа. Кажется, коричневого цвета. Когда он вылез из машины, я заметил, что на пиджаке были накладные карманы.

— Какие глупости! — возмутилась женщина.— Разве можно увидеть цвет костюма в такой темноте, с твоим-то зрением!

Медоуз посмотрел на Реника и пожал плечами.

— Мужчина был в каком-нибудь головном уборе?

— Нет, сэр.

Прокурор иронически взглянул на женщину.

— Хоть с этим-то вы согласны?

— Он был без шляпы, но это совсем не означает, что он вообще не имел ее,— негодующе ответила она.

— Может быть, он держал ее в руках?

— Не заметила.

Во время этой перебранки Кари снова уставился на меня.

— Мистер Кари,— вовремя отвлек его Медоуз.— Мужчина был блондин или брюнет?

— Не знаю, сэр, было слишком темно.

— Он говорил с вами?

— Только выругался,— опять вмешалась великанша.— Он знал, что неправ...

— Когда произошел инцидент?

— В десять минут одиннадцатого. Я специально засек время.

— В каком направлении скрылся мужчина после столкновения?

— Очевидно, он пересел в другую машину. По крайней мере, я слышал, как шум мотора удалялся в сторону аэропорта.

— Вот как! Интересно, черт побери! — воскликнул прокурор и обратился к Ренику.— Мы проверили аэропорт?

— Нет. Но если вы думаете...

— Проверить! — приказал Медоуз.— Достаньте мне список всех пассажиров, вылетевших из аэропорта с половины десятого до полуночи. И немедленно!

Нервы мои были напряжены до такой степени, что я с трудом владел собой.

— Пока у нас все, мистер Кари,— продолжал прокурор.— Благодарю вас. Если вы нам понадобитесь еще раз, мы вас вызовем.

Миссис Кари направилась к выходу.

— Пошли, Герберт, мы и так потеряли много времени.

Кари последовал за ней, но внезапно остановился и снова уставился на меня. У меня не хватило смелости встретить его взгляд. Я открыл ящик, вытащил из него какие-то бумаги и уткнулся в них. И услышал, как Кари спрашивает у Медоуза:

— Простите, а кто этот господин?

«Вот и все»,— подумал я и поднял голову от бумаг: Кари указывал пальцем на меня.

Заметно удивленный, Медоуз ответил:

— Гарри Барбер, наш сотрудник по связи с прессой.

Спасение неожиданно пришло в образе грозной супруги. Она схватила мужа за руку и потащила к двери.

— Пошли же, ради бога! Неужели тебе нечего делать, кроме как задавать глупые вопросы?

Кари, как зачарованный, смотрел на меня, но супруга еще раз сильно потянула его за руку и они вышли из комнаты. Дверь захлопнулась.

Глава 9

— Боже, что за женщина! — воскликнул Медоуз, возвращаясь к своему креслу.— А показания Кари оказались на редкость ценными. Как по-твоему, Джон?

— Согласен,— подтвердил Реник.— В любом случае, у нас есть еще один свидетель, который, как и Керби, утверждает, что мужчина был рослый и плотный. Теперь мы уже знаем, что надо искать мужчину ростом метр девяносто, весом в восемьдесят килограммов, который курит «Лаки Страйк», одет в спортивный костюм с накладными карманами, ходит без шляпы и [illegible] неисправную машину. Практически фоторобот готов. Ты сколько весишь, Гарри? — обратился он ко мне.

— Зачем тебе понадобился мой вес?

— У меня возникла одна мысль. Кари говорил, что ростом и телосложением ты схож с тем мужчиной. Мы сфотографируем тебя, затушуем лицо и напечатаем эту фотографию во всех газетах. Может быть, кто-нибудь видел подобного мужчину в районе Одинокого Залива или у «Притона пиратов». Как вы считаете, шеф? — обратился он к Медоузу.

— Отличная идея! — с энтузиазмом одобрил прокурор.— Мы даже сделаем еще лучше.— Он нажал кнопку звонка, и на пороге появилась секретарша.— Мисс Лэхам, сходите в магазин и купите для мистера Барбера темно-коричневый спортивный костюм с накладными карманами.

Мисс Лэхам прикинула взглядом размер, кивнула головой и вышла.

— А вы пока напишите статейку про меня,— обратился ко мне прокурор.— Колоритную статью о моей личной жизни, о моих хобби, жене, детях, словом, вы знаете, как нужно писать. Необходимые сведения найдете в архиве. Постарайтесь устроить статью в «Тайм» или в «Ньюсуик».

Добравшись до своего кабинета, я обессиленно рухнул в кресло. Идея публикации моей фотографии в газетах таила в себе большую опасность. Вечером в день «похищения» я никого не видел, но по своему опыту журналиста знал, что кто-нибудь мог видеть меня. Кстати, в аэропорту я вел себя на редкость глупо, показавшись на людях с Одеттой.

С ума я не сошел только потому, что телефон своими звонками то и дело отрывал меня от нерадостных мыслей. В таком состоянии мне приходилось еще писать статью о прокуроре. Я уже заканчивал ее, и в это время появилась мисс Лэхам со свертком в руках. Когда я развернул бумагу, у меня даже в глазах помутилось: костюм был точной копией моего...

Меня сфотографировали в семи или восьми позах, при позировании ощущение у меня было такое, будто я уже поднялся на эшафот.

Фотографии сделали через полчаса. Медоуз приказал немедленно передать их в редакции газет. В это время появился Реник со списком пассажиров.

— Пожалуйста! — Он положил список на стол Медоуза.— Но толку от этого никакого. Вчера вечером вылетели только два самолета. Один, в Японию, я сразу забраковал. В другом, на Лос-Анджелес, на борту находилось 15 человек: 14 деловых людей и одна девушка. Стюардесса отлично помнит ее; то была рыжая, ничего общего с Одеттой Мальрук.

Медоуз скомкал список и швырнул его в корзинку.

— Ничего страшного, проверить все равно нужно было. Может быть, с фотографиями Барбера нам повезет больше.

Шел уже восьмой час. До восьми я отвечал на телефонные звонки, потом обратился к Джону:

— Ты не против, если я пойду домой? В случае чего позвони мне.

— Хорошо, Гарри. Можешь отчаливать!

Я вернулся к себе в кабинет и, опустившись в кресло, задумался. Нина обычно ложилась спать часов в одиннадцать. Примерно в час я должен избавиться от Одетты. Но куда ее деть? Шахта находится под контролем. На карте в прокуратуре я видел, что там уже выставлен пост. К часу ночи шоссе будет свободно от машин, не считая патрульных, и, как сотрудник прокуратуры, я смогу проехать через посты беспрепятственно, если только нервы выдержат. Но это «ес-

ли» было весьма проблематичным. Нервы в любой момент могли подвести. Состояние мое было в высшей степени отвратительным.

Прежде всего необходимо раздобыть машину. Без нее приступать к операции бесполезно.

Автобусом я добрался до гаража.

Тэд Браун, механик, парень лет двадцати, читал спортивный журнал. С облегчением я отметил, что Хэммонд, хозяин гаража, отсутствовал.

— Привет, Тэд! — дружески поздоровался я.— Как видно, работы не очень много?

Парень застенчиво улыбнулся.

— Добрый вечер, мистер Барбер.

— Мой «паккард» решил передохнуть. Коробка передач полетела.

— Что вы говорите? Досадно! Ремонт обойдется дорого.

— Да, придется раскошелиться. Хочу взять у вас напрокат машину. Есть что-нибудь?

— Разумеется, мистер Барбер. Вот этот «бьюик», что в углу, подойдет вам?

— Вполне. Завтра утром я верну машину.— Я направился к «бьюику».

— Вам придется написать расписку, мистер Барбер. Кроме того, нужно внести тридцать долларов за прокат и страховку.

— Я очень спешу, Тэд, и денег у меня с собой нет, а завтра все уплачу.

Браун в раздумье почесал затылок.

— Боюсь, что мистер Хэммонд будет недоволен. Такие вопросы решает только он сам.

Я натянуто улыбнулся.

— Что ты говоришь, Тэд? Вот уже десять лет я пользуюсь услугами вашего гаража. Мистер Хэммонд будет рад оказать мне любезность.

Тэд просиял.

— Пожалуй, вы правы, мистер Барбер. Расписку вы напишите сейчас, а завтра, когда приведете машину...

— Ну, конечно, о чем может быть речь...

Пройдя за Тэдом в конторку, я с нетерпением ожидал, пока он найдет бланк расписки. Через пару долгих минут бланк был найден. Не успел я вытащить ручку, как послышался шум мотора и в гараж въехала машина. Это был Хэммонд.

Приехать бы мне на десять минут раньше!

С трудом выдавил я из себя улыбку, когда хозяин вошел в конторку.

— Добрый вечер, мистер Хэммонд. Вижу, вы работаете допоздна.

— Вечер,— хмуро буркнул он и испытующе взглянул на Тэда.— Что ты там комбинируешь?

— Хочу взять напрокат «бьюик»,— поспешно ответил я.— Моя машина сломалась. Кстати, прошу вас через пару дней забрать ее в ремонт. А сейчас у меня срочное свидание и мне необходима машина.

Хэммонд чуть оттаял.

— Пожалуйста, мистер Барбер. Напишите расписку, внесите положенные тридцать долларов за бензин, прокат и страховку и забирайте машину.

Согнувшись над бланком, я дрожащей рукой стал заполнять его; рука моя тряслась, буквы прыгали так, что я не мог узнать своего почерка.

— Деньги уплачу завтра, когда приведу машину,— как можно спокойнее произнес я.— Я очень спешу, и у меня не хватило времени зайти в банк.

Я подписал расписку какой-то немыслимой закорючкой и протянул ее Хэммонду. Вместо того, чтобы взять расписку, он приказал Тэду:

— Дай мне копии счетов мистера Барбера.

Механик дал ему пачку счетов и скрылся в гараже. Выглядел он смущенно.

Хэммонд быстро перелистал счета и поднял на меня хмурый взгляд.

— Мистер Барбер! За масло, бензин и разные ремонтные работы вы должны мне сто пятьдесят долларов.

— Весьма сожалею, что моя задолженность достигла такой суммы. Завтра я уплачу за все сразу.

— Уплатите — будем друзьями, как и прежде. Но пока кредит вам закрыт.

— Но ведь я ваш старый клиент и не стал бы просить вас об этой любезности, если бы не чрезвычайные обстоятельства.

— Вы можете поехать автобусом. Вот уже восемнадцать месяцев, как вы не платите ни цента. Тысячу раз я напоминал вашей супруге, и каждый раз она отделывалась обещаниями уплатить завтра. С меня довольно. Пока не заплатите, кредита вам не будет.

Пол зашатался у меня под ногами, но от «бьюика» зависела моя жизнь.

— У меня очень срочное дело,— возобновил я наступление.— Машина мне просто необходима. Я оставлю вам в залог драгоценности моей жены. Они стоят более двухсот долларов. Может быть, вы не знаете, но у меня сейчас новая работа, в окружной прокуратуре.

Я вытащил из кармана удостоверение, показал Хэммонду, но он едва удостоил его взглядом.

— Раз вы работаете в прокуратуре, мистер Барбер, то можете попросить у них полицейскую машину. В драгоценностях же вашей супруги я не нуждаюсь. Я серьезный коммерсант, и подобные сделки мне не по душе.

Внезапно я вспомнил, что в багажнике моего «паккарда» лежит полмиллиона долларов.

— В таком случае катитесь к черту! — воскликнул я и, хлопнув дверью, вышел из гаража. В километре от моего дома находилась станция техобслуживания. Там также можно взять машину напрокат.

Немного успокоенный, я направился к дому. Но когда до бунгало осталось метров тридцать, я поднял голову и замер на месте. Дверь гаража, запертая мною на ключ, была распахнута.

С трудом передвигая отяжелевшие ноги, я медленно двинулся к гаражу. Рядом с «паккардом» стояли Нина и два солдата. Услышав мои шаги, они обернулись.

— Вот и мой муж,— с явным облегчением сказала Нина.

— Здравствуй, дорогая. Что здесь происходит?

Оба солдата были совсем молодыми парнями. Один, низенький и полный, с круглым добродушным лицом, выглядел устало, было видно, что все происходящее ему глубоко безразлично. Второй, худощавый брюнет, смотрел враждебно и упрямо.

— Ваша машина? — спросил он, указывая на «паккард».

Не обращая на него внимания, я снова обратился к Нине:

— В чем дело?

— Они ищут похищенную девушку и требуют, чтобы я открыла багажник,— с плохо скрытым раздражением ответила Нина.

Я был в таком отчаянии, что даже забыл про страх.

— Уж не думаете ли вы, что я спрятал ее в багажнике машины? — с натянутой улыбкой спросил я у толстяка.

Тот в замешательстве ухмыльнулся:

— Конечно, нет. Я уже говорил Джо, что мы напрасно теряем здесь время...

— Вы откроете багажник или нет? — раздраженно воскликнул брюнет.— Мне приказали обыскать все машины на этой улице, я выполняю приказ.

— Я объяснила, что потеряла ключи, и попросила подождать твоего возвращения, Гарри.

— Весьма сожалею,— обратился я к черноволосому упрямцу,— но ключей у меня нет. Я оставил их у слесаря, чтобы тот сделал дубликат для моей жены.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— Очень жаль, но у меня есть ордер на право обыска. Раз у вас нет ключа, придется взломать замок.

— Завтра ключи будут готовы,— заверил я.— Приходите, и я с удовольствием открою багажник.

— Пошли, Джо,— вмешался второй солдат.— Нам нужно еще проверить десятка два домов, а уже темнеет.

Джо даже не взглянул в его сторону. Видно было, что в своем упрямстве он готов был пойти на любой скандал.

— Придется ломать замок,— заявил он, схватив лежащий на верстаке английский ключ.

— Минутку! — воскликнул я.— Вы не имеете права трогать мою машину! — И я протянул ему мое удостоверение работника прокуратуры.

Не прикасаясь к удостоверению, он небрежно взглянул на него.

— И что из этого?

Я обернулся к Нине:

— Там на углу стоит полицейский. Пойди позови его.

— Плевать мне на полицию, я выполняю приказ. Отойдите в сторону.

Я не шевельнулся и твердо произнес:

— Запрещаю вам ломать мою машину!

С нескрываемой антипатией мы долго смотрели друг на друга.

— Мне все ясно,— проговорил, наконец, Джо.—

Придется силой убрать вас с дороги. Что ж, раз вы так хотите. А ну-ка, Ханк...

— Перестань, Джо,— примирительно протянул тот.— Пойдем дальше.

— Выполняй приказ! — яростно воскликнул брюнет.— Отойдете вы от машины или нет?

В этот самый момент появилась Нина в сопровождении полицейского.

— Что здесь происходит?

— Мне нужно проверить багажник этой машины,— пояснил Джо.— У хозяина машины нет с собой ключей, но я обязан выполнить приказ.

— Где ключи? — обратился ко мне полицейский.

— У слесаря.

— У какого слесаря?

Я был готов к этому вопросу.

— Не знаю. Я отдал ключ своему секретарю, а она — слесарю.— Предъявив удостоверение, я добавил: — Я работаю в окружной прокуратуре. К завтрашнему утру ключи будут готовы, и я открою багажник.

Полицейский внимательно проверил удостоверение и перенес свое недовольство на Джо.

— Не горячись чересчур, солдатик,— посоветовал он.— Запомни: если ты сломаешь замок, мы заставим тебя возместить убыток.

— Ну, что ж, я готов заплатить. Отойдите в сторону!

Полицейский повернулся ко мне, пожав плечами: — Раз он готов заплатить, мистер Барбер...

У меня перехватило дыхание.

— Моя машина старого выпуска, такой замок трудно будет найти. Кроме того, вот уже два дня, как она сломалась: полетела коробка передач. Попробуйте завести мотор — она не двинется с места.

— Как же, заведешь ее без ключа,— иронически заметил Джо и, размахивая железкой, двинулся к машине.

Я встал на его пути.

— Послушайте,— предложил я.— Давайте позвоним лейтенанту Ренику. Если он прикажет мне открыть багажник, то этот парень может делать все, что ему угодно.

Полицейский просиял.

— Отличная мысль. Только с лейтенантом буду говорить я сам.

Джо со злостью швырнул ключ на землю.

— Полицейские крысы! — прошипел он.— Устраивать бордель по любому поводу! Черт с вами, звоните кому угодно, но я доложу об этом случае моему командиру. Достанется вам на орехи!

И, вне себя от злости, он удалился вместе со своим товарищем.

— Ах, эти упрямые ребятишки,— добродушно заметил полицейский.— Сладу с ними нет, если втемяшут что-нибудь в голову.

— Очень вам благодарен,— от всего сердца поблагодарил я.— Вы помогли мне сохранить машину.

— Рад стараться.— И, подмигнув Нине, полицейский отправился восвояси.

Войдя в дом, я в изнеможении рухнул в кресло и снял галстук. Нина налила виски.

— Дать сигарету? — спросила она.

— Да, пожалуйста. И зажигалку, она в пиджаке.— У меня не было сил даже шевельнуться.

— Гарри!

От крика Нины я вздрогнул. В руках она сжимала ключи от машины.

У меня помутилось в глазах.

Глава 10

Настенные часы пробили девять. Я поднялся и двинулся к Нине.

— Отдай ключи!

— Нет! Нет! Нет!

Я схватил ее за руку, но она вывернулась и выскочила в прихожую. Я прыжком догнал ее, резким рывком повернул к себе.

— Гарри! Мне больно!

Я разжал ее кулак и вырвал ключи. Нина бессильно опустилась на колени.

Тяжело дыша, я отпустил ее и вернулся в гостиную. Лучше было умереть, чем сознавать себя таким мерзавцем! Нина по-прежнему стояла на коленях и горько плакала, закрыв лицо руками.

Я сунул ключи в карман.

— Прости меня, Нина. Я не хотел сделать тебе больно.

— Лучше бы ты сказал мне всю правду,— прошептала она.— Что ты натворил?

— Ничего.

— Дай мне тогда ключи, я открою багажник.

— Ради бога, Нина! Перестань! Не думай больше об этом.

Она протянула руку.

— Дай мне ключи.

— Нет!

Она села на пол и с ужасом уставилась на меня.

— Что же тогда лежит в этом багажнике, раз ты так боишься открыть его? Боишься меня, боишься этих солдат... Гарри! Неужели там, в багажнике, лежит эта девушка?

— Отстань со своими вопросами!

— Она мертва? Ты убил ее?

— Перестань, тебе говорят! Уходи, уходи отсюда!

Я подскочил к ней и встряхнул за плечи.

Нина снова закрыла лицо руками и уткнулась в колени. Просидев так несколько минут, она внезапно поднялась, совершенно спокойная внешне, и твердо произнесла:

— Никуда я не пойду. Перестань кричать, Гарри, и сядь. Эту беду мы встретим с тобой вместе. Прошу тебя, расскажи все, что случилось. Когда в прошлом ты попал в переделку, то отстранил меня от всего. На этот раз я не допущу этого и помогу тебе во всем, в чем смогу.

— Не нужна мне твоя помощь! Ты можешь, понять, наконец, что тебе опасно находиться здесь?

— Не кричи, никуда я не пойду.

Я поднял руку, хотел ударить ее, но не посмел.

— Ее убил ты, Гарри?

— Нет.

— Но она лежит в багажнике?

— Да.

Нина подошла к бару и налила две рюмки. Одну протянула мне, другую взяла сама и уселась на ручку кресла.

— Расскажи мне все, с самого начала.

— Если полиция разоблачит меня и узнает, что ты в курсе дела, то ты можешь получить лет десять тюрьмы.

— Не будем думать об этом.— Ласковое прикосновение ее пальцев было свежим и успокаивающим.— Говори.

И я рассказал ей все. Даже о том, что у меня полу-

...илось с Одеттой.

Рука Нины легла на мою и крепко ее пожала.

— Бедный мой! Представляю, как тяжело тебе пришлось. Я догадывалась — что-то не в порядке, но не думала, что дела обстоят так серьезно.

Разделив с ней тяжесть последних событий, я почувствовал облегчение.

— Прощенья мне нет,— спокойно проговорил я.— Я пошел на эту авантюру ради денег. Знаю, что ошибся, но от этого не легче. Я не хотел втягивать тебя в эту историю и не хочу этого сейчас. Ты должна куда-нибудь уехать на время, Нина. Если нагрянет беда и меня арестуют, будет тяжело сознавать, что ты расплачиваешься за меня.

Она ласково коснулась моего плеча и, отвернувшись к окну, долго смотрела в мрачную темноту улицы.

— Мы будем бороться вместе, Гарри. Когда можно увезти куда-нибудь девушку?

— Часа в два ночи. Но лучше бы тебе не вмешиваться...

— Я с тобой, Гарри! Ведь на моем месте ты сделал бы то же самое.

Конечно, она была права. Побежденный, я пожал плечами.

— Хорошо, Нина. Прости меня и спасибо за все.

— Не опасно тратить деньги Мальрука?

— Нет.

— Тогда нужно немедленно взять напрокат машину.

— Согласен,— сказал я, но не шевельнулся. Для того, чтобы взять деньги, нужно открыть багажник, придется увидеть труп Одетты...

— Выпей еще немножко.

Нина поняла мое состояние.

— Нет.— Я поднялся.— Все нормально. Где фонарик?

— Вот он. Я с тобой.

— Нет, пойду один.

И, взяв фонарик, я шагнул в темноту.

Вдалеке светились окна ближайших домов, разгоняя полумрак пустынной улицы.

Открыв дверь гаража, я сразу почувствовал едва уловимый, но характерный запах, запах смерти. Я остановился, пытаясь подавить подступившую тошноту, затем быстро закрыл за собой дверь и включил фонарик.

Дыхание у меня перехватило, холодный пот струился по лицу. Почти минуту собирался я с духом, затем быстро вставил ключ в скважину и резко открыл багажник.

При слабом свете фонарика, дрожавшего в моей руке, я заметил белое с голубым платьице, стройные ноги в балетных тапочках, прижавшиеся к запасному колесу. Чемодан лежал рядом с Одеттой. Я схватил его, быстро захлопнул крышку и, сдерживая тошноту, поспешил домой.

Нина ожидала меня у порога. Выглядела она постаревшей и усталой.

Я швырнул чемодан на стол.

— Теперь рюмка виски будет в самый раз.

Выпив, я почувствовал себя лучше.

— Открою я,— проговорила Нина, протянув руку к чемодану.

— Не трогай. Незачем оставлять отпечатки твоих пальцев.

Осторожно открыв замок, я поднял крышку.

Вместо толстых пачек долларов в чемодане лежали штук тридцать газет. Старых, немного пожелтевших газет.

Нина вскрикнула, а у меня мороз пробежал по коже. Не в силах пошевелиться, я уставился на газеты, не веря своим глазам. Одна мысль сверлила мой мозг: без денег нельзя будет достать машину!

— Конец,— вырвалось у меня.— Мы пропали.

Нина машинально перебирала газеты, как будто надеялась найти доллары в страницах.

— Куда же делись деньги? Неужели их у тебя украли?

— Нет. Чемодан все время был со мной.

— В чем же тогда дело? Неужели Мальрук не собирался платить?

— Напротив. Уверен, что Мальрук был готов заплатить выкуп. Деньги ничего не значат для него. Он не пошел бы на обман, зная, что речь идет о жизни его дочери.

Неожиданно я вспомнил о чемодане, который показывал мне Реник.

— Было два одинаковых чемодана; один — с деньгами, другой — с газетами. Кто-то подменил чемодан с деньгами перед тем, как Мальрук выехал из дома.

— Но кто мог это сделать?

— Рая, разумеется! Ясно как божий день. Она не доверяла ни мне, ни Одетте. Вот почему она не пришла в кабину! Ей просто нечего было там делать. Деньги уже находились в ее руках. А я рисковал своей шкурой за пачку старых газет! Ручаюсь, она и не думала выдать мне обещанные пятьдесят тысяч.

— Что же теперь делать, Гарри? — растерянно спросила Нина.

— Без машины мы погибли...

— На улице стоят десятки машин. Возьмем одну из них.

— Украдем?

— Возьмем на время,— твердо ответила Нина.— Подведем машину сюда, переложим Одетту, отведем машину подальше и оставим ее там. Хозяин машины заявит о краже в полицию, и те быстро найдут и машину, и Одетту. Мы не можем бросить ее в шахту, бедняжку.— Нина сильно сжала мне руку.— Пусть ее найдут побыстрее.

Подумав, я согласился с Ниной.

— Ничего не поделаешь, придется рискнуть. Пойду посмотрю, есть ли поблизости подходящая машина.

— Я с тобой.

— Хорошо.

Сложив газеты в чемодан, я спрятал его в стенном шкафу и вместе с Ниной вышел из дома. Мы медленно пошли вдоль улицы, как будто вышли погулять перед сном. Проходя мимо старого «меркурия» спортивного типа, мы почти одновременно остановились.

— Пожалуй, эта подойдет,— сказал я.

— Сейчас я попробую, открыта ли дверца,— шепнула Нина, надевая перчатки.— Обними меня, Гарри.

Я стиснул ее в объятиях. Если кто-либо пройдет мимо или выглянет в окошко, то примет нас за влюбленную парочку. Сцена довольно обычная в этой аллее.

— Дверь не заперта,— шепнула Нина.

Я бросил взгляд на дом, у которого стояла машина. Несколько окошек на втором этаже светились, но на первом было темно.

Нина тихонько открыла дверцу и села за руль, а через минуту выскользнула наружу.

— Зажигание в порядке.

— До часу мы ничего не сможем сделать,— заметил я.— Вернемся домой.

— Давай лучше погуляем. Не хочется сидеть дома

и ждать.

Мы медленно двинулись к морю и уселись на обломок скалы, торчавшей на пустынном пляже. Далеко перед нами светились огоньки Палм-Сити.

— Гарри,— проговорила Нина после бесконечно долгой паузы.— Ты уверен, что Одетту убили? А может быть, она покончила с собой?

— Исключено. Ее задушили.

— Но кто мог пойти на это?

— Я сам ломаю голову. Ответ может быть только один: единственный человек, извлекающий выгоду из смерти Одетты,— Рея. Будь Одетта в живых, она унаследовала бы половину огромного состояния Мальрука. Ему осталось жить недолго, и Рее удобно, что Одетта вышла из игры именно в этот момент. Однако я сомневаюсь, что девушку убила она, и уверен, что ее алиби со снотворным — настоящее. Она слишком хитра. Рано или поздно Реник узнает о французских законах в отношении наследства. И если он заподозрит, что похищение было ложным, Рее придется туго без неопровержимого алиби.

— У нее должен быть любовник,— убежденно сказала Нина.— Я видела ее фото в газетах. Эта женщина не из тех, кто спокойно живет со старым, больным мужем.

Конечно, Нина была права, удивительно, как эта мысль не пришла мне в голову.

— Давай будем рассуждать. Предположим, у Реи есть любовник. Рея сообщает ему, что после смерти Мальрука половину состояния наследует Одетта. Однако тот считает, что лучше получить все целиком. И он, и она не рискуют устранить девушку. Тогда они принимаются искать козла отпущения и замышляют ложное похищение, которое преследует двойную цель. Я попадаюсь на удочку. Одетта тоже. Не могу понять, почему, но попадается. Рея и ее приятель гарантированы от всех осложнений, в случае которых расплачиваюсь только я. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь в твоей правоте. Во всей этой истории замешан мужчина, любовник Реи, который и убил Одетту.

Вдалеке башенные часы пробили час. Нина посмотрела на меня.

— Пора!

Вскоре мы снова были у «меркурия». Нина надела

перчатки и решительно села за руль. Я уселся рядом. Через несколько минут мы подъехали к нашему гаражу.

— Подожди меня дома.

— Я покараулю у калитки.

Взяв в гараже зубило, я сломал замок багажника «меркурия» и поднял крышку. Затем открыл багажник «паккарда».

Часы на башне пробили четверть.

Я переложил тело Одетты из «паккарда» в «меркурий». Этот момент я не забуду никогда в жизни.

Затем я принес из дома чемодан с газетами; положил его рядом с Одеттой и захлопнул крышку.

— Готово,— объявил я Нине.— Поехали.

Мы снова сели в машину. Нина прижалась ко мне. Я почувствовал, как дрожит ее тело. Минут пятнадцать мы ехали по темным улицам, затем оставили машину и пешком вернулись домой, не встретив на пути ни единой живой души.

Когда я закрывал за нами входную дверь, Нина приглушенно вскрикнула и без чувств опустилась на пол.

Глава 11

Труп Одетты нашли на следующее утро, часов в десять. Я с девяти уже сидел на работе, вздрагивая при каждом телефонном звонке. Делать, разумеется, я ничего не мог. Я думал о Нине. Утром, провожая меня на работу, она едва проговорила пару слов, бледная как мел, совсем больная и разбитая. Я тупо смотрел в раскрытое передо мной досье, курил одну сигарету за другой и ожидал очередного звонка.

Когда, наконец, прозвенел тот самый звонок, я уже дрожал так, что чуть не выронил трубку из рук.

— Мы нашли ее! — возбужденно прозвучал голос Реника.— Ее задушили! Немедленно приезжай ко мне в полицию!

Я был сам не свой, когда вылез из полицейской машины и подошел к «меркурию», около которого уже стояли Реник и Барти.

— Как только фотограф закончит свою работу, немедленно передайте труп судебно-медицинскому эксперту,— приказал Реник агенту в штатском.— Он

снова наклонился над багажником.— Эй, а это что такое? Похоже, в этом чемодане Мальрук вручал выкуп.

Вытащив из кармана платок, он осторожно обернул ручку чемодана и извлек его наружу.— Не говорите мне, что в нем лежат деньги! Однако тяжелый.— Он положил чемодан на землю и осторожно стал открывать его. Агенты с любопытством столпились вокруг.— Газеты! — Джон удивленно взглянул на Барти.— Что это значит?

— Посмотри лучше, как одета девушка,— сказал в ответ Барти.— По словам бармена из «Притона пиратов», на ней было красное платье и белый пластиковый плащ. Она переоделась.

Я знал, что рискованно оставлять Одетту в этом платье, но ни за что на свете не согласился бы переодевать ее. В ту ночь я ограничился тем, что сжег в топке котельной чемодан девушки с ее вещами, красным платьем и рыжим париком.

— Откуда взялось это тряпье? — задумчиво проговорил Джон.— Вот что, Гарри,— обратился он ко мне,— бери машину и езжай к Мальрукам. Спроси Рею, было ли у девушки это платье, а заодно привези сюда кого-нибудь из них для опознания трупа.

Я растерянно взглянул на Джона.

— Ты хочешь, чтобы я поехал к миссис Мальрук?

— Да, да,— нетерпеливо ответил он.— И сообщи новость старику, если ты в силах сделать это. А для опознания захвати, пожалуй, О'Рейли. Не хочу, чтобы отец видел труп дочери. Если он будет настаивать, скажи ему, что зрелище не из приятных.

— Будет сделано.

Сев за руль полицейской машины, я с облегчением удалился от «меркурия» и от его страшного груза.

Наконец-то я имел возможность поговорить с Реей. Реник без труда установит, что белое с голубым платье покупала она. Это будет большим ударом для достопочтенной дамы.

Через десять минут я затормозил машину перед виллой Мальруков, бегом взбежал по ступенькам и позвонил. Дверь открыл мажордом.

— Полиция. Мне нужен мистер Мальрук.

— Хозяин очень плохо чувствует себя. Он еще не вставал с постели, и мне не хотелось бы беспокоить его...

— В таком случае придется поговорить с его супругой. Вопрос очень важный.

— Я сейчас узнаю. Подождите, пожалуйста, здесь.

И он направился по длинному коридору. Я дал ему несколько шагов форы и тихонько двинулся следом. Мажордом открыл стеклянную дверь, выходящую на террасу. Рея в белых брюках и голубой блузке восседала в плетеном кресле, красивая и хладнокровная, как никогда, и небрежно перелистывала журнал. Когда слуга приблизился, она лениво подняла голову.

Прежде чем мажордом успел открыть рот, я решительно шагнул на террасу.

Рея заметила меня и нахмурилась. На мгновенье глаза ее сердито сверкнули, но затем лицо снова приняло обычное непроницаемое выражение.

— В чем дело? — сухо спросила она мажордома.

Я подошел ближе.

— Мне жаль беспокоить вас, но дело не терпит отлагательств. Я из полиции.

Рея кивком головы отпустила слугу. Пока дверь не закрылась за его спиной, никто из нас двоих не вымолвил ни слова. Затем я пододвинул кресло и сел.

— Привет,— сказал я.— Вы помните меня?

Она закурила и откинулась на спинку кресла. Сигарета не дрогнула в ее руке.

— Почему я должна помнить вас? — удивленно подняла она брови..

— Ее нашли, но не в кабине, как вы рассчитывали. Она лежала в багажнике угнанной машины.

Рея стряхнула пепел на пол.

— Вот как? Она мертва?

— Вы это прекрасно знаете.

— Вы поссорились при дележе добычи? Незачем было убивать ее, мистер Барбер.

Ее наглость возмутила меня.

— Вам это даром не пройдет! — пригрозил я.— Вы прекрасно знаете, что смерть девушки на вашей совести.

— Неужели? — Она снова изумленно подняла брови.— Не представляю, кто может поверить в это, кроме вас.

— Не заблуждайтесь. У вас был резон устранить девушку, иначе она унаследовала бы половину состояния вашего мужа. Вам гораздо приятнее получить все самой, до последнего цента, не так ли?

— Разумеется,— улыбнулась Рея.— Но дело в том, что похищение организовали вы, и вы же должны были встретиться с Одеттой в кабине. Когда она погибла, я лежала в постели и могу доказать это. А вы где были в это время?

— Если возьмут меня, то возьмут и вас.

— Вы так думаете? А по-моему, вряд ли полиция поверит голословному утверждению бывшего каторжника.

— Возможно. Однако с самого начала я предвидел возможность такого исхода и принял свои меры предосторожности. В кабине я спрятал магнитофон и записал все наши беседы на пленку. Так что не надейтесь, что все вам сойдет с рук.

Ни один мускул не дрогнул на невозмутимом лице Реи, только глаза ее испытующе уставились на меня.

— Магнитофон?

— Вот именно. Все наши разговоры записаны, плюс к тому у вас есть веский повод для ликвидации девушки. Вы можете загнать меня в газовую камеру, но двадцать лет каторги вам обеспечено.

На мгновенье хладнокровие покинуло ее. Она стиснула кулаки и побледнела.

— Лжете!

— Не собираюсь! Даже при вашей хитрости всего вы предусмотреть не смогли. Теперь вам придется молить бога, чтобы меня не поймали.

Рея взяла себя в руки. Маска холодного равнодушия снова сковала ее лицо.

— А вы оказались не таким уж кретином, каким я вас считала, мистер Барбер. Ну, что ж, посмотрим, чем все это кончится.

— Посмотрим...

В этот момент дверь распахнулась и на пороге появился рослый мускулистый мужчина в элегантной шоферской форме. Очевидно, это был О'Рейли, бывший полицейский. Я слегка удивился, заметив, что он был примерно моего возраста. Коротко подстриженные белокурые волосы, серые выразительные глаза, грубоватое, но с правильными чертами лицо в сочетании с красивой фигурой делали его весьма привлекательным. Он скользнул по мне проницательным взглядом полицейского и объявил:

— Машина подана, миссис Мальрук.

— Сегодня я никуда не еду,— произнесла Рея, под-

нималась.— Муж неважно себя чувствует.— И она направилась к двери.

— Миссис Мальрук...

Женщина остановилась и обернулась ко мне.

— Когда был найден труп девушки, на ней было дешевое хлопчатобумажное платье, белое с голубой отделкой. Лейтенант Реник хочет узнать, как оно попало к Одетте. Если вы помните, в тот вечер на девушке было красное платье.

Я рассчитывал нанести ей серьезный удар: но Рея даже глазом не моргнула.

— Я знаю, о каком платье идет речь,— спокойно ответила она.— Я сама покупала его для Одетты. Это пляжное платье. Держала она его в машине, и надевала, когда отправлялась на пляж. Не откажите в любезности передать это вашему лейтенанту.

Она повернулась и вышла в дверь, которую распахнул перед ней О'Рейли.

На душе у меня стало горько и тревожно. Если Рея так ловко ответила на такой серьезный вопрос, то не сможет ли она вывернуться и в других аналогичных ситуациях, несмотря на магнитофонную запись? Даже если она сознается в своей причастности к похищению, то все равно не было никаких доказательств, подтверждавших ее участие в убийстве Одетты.

— Вы Барбер, не так ли? — спросил О'Рейли, и я очнулся от звука его грубого голоса.— Лейтенант говорил мне о вас. Итак, они нашли девушку?

«Осторожно! — сказал я себе. Этот человек — бывший полицейский. Его учили подмечать даже самые незначительные подозрительные детали. Все, что заметит, он тут же передаст Ренику».

— Да. Лейтенант хочет, чтобы вы приехали опознать труп.

О'Рейли поморщился.

— Лучше пускай поедет старик.

— Она умерла два дня тому назад и все это время пролежала в багажнике автомашины. Реник считает, что Мальрук не должен видеть ее.

— Ну, что ж, согласен.— О'Рейли испытующе взглянул на меня.— А деньги нашли?

— Нет.

— Я уже говорил лейтенанту: найдите деньги и найдете преступника. Все очень просто.

— Пора ехать, нас ждут.

— Подождите минутку, я скажу старику.— О'Рейли направился к двери, но вдруг резко обернулся и спросил: — Нашли какую-нибудь улику против человека, который задушил ее? Есть толк от напечатанной в газетах фотографии?

Он нанес удар в самую точку. Я совсем забыл про фотографию.

— Нет.

— Лейтенант ловкий парень. Я как-то в прошлом работал с ним. Он свое дело знает, черт побери!

Я смотрел ему вслед, доставая из кармана пачку сигарет. Затем щелкнул зажигалкой и вдруг яркая, как вспышка молнии, мысль ошеломила меня. О'Рейли сказал: «Нашли какую-нибудь улику против человека, который задушил ее?»

Ни ему, ни Рее я не говорил, как умерла Одетта. Ее труп обнаружили только что, газеты еще не успели напечатать ни строчки. Откуда такую деталь мог узнать О'Рейли?

От волнения пальцы мои бессильно разжались и сигарета упала на пол.

Вот кто любовник Реи и убийца Одетты: О'Рейли, доверенный человек Реника.

Минут через пять О'Рейли вернулся в вестибюль.

К тому времени я сумел взять себя в руки и мысль о том, что водитель-полицейский убил Одетту, казалась мне все более вероятной.

Главное, не показать убийце, что я подозреваю его. Рея, очевидно, уже сообщила ему о магнитофонной ленте, и хотя в записи не упоминалось имя О'Рейли, эта лента представляла для него серьезную опасность. Но в самом тяжелом положении оказался я: мне нужно во что бы то ни стало доказать причастность О'Рейли к убийству Одетты, пока полиция еще не предъявила это обвинение мне.

Он приближался упругим неслышным шагом боксера. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы остаться невозмутимым.

Ни одним знаком он не показал, что узнал об истории с магнитофонной лентой. Мы вышли вместе и сели в машину.

— Вы сказали Мальруку о смерти дочери?

— Да. Трудно ему. Ведь он потерял единственную дочь.

— А миссис Мальрук отнеслась к известию на ред-

честь спокойно,— заметил я.— Они не ладили с Одеттой?

— Еще как! — Голос О'Рейли прозвучал несколько натянуто.— Правда, госпожа отличается завидным хладнокровием.

Я решил подлить масла в огонь.

— Лейтенант говорил, что теперь она наследует все состояние Мальрука. Для нее девушка умерла исключительно вовремя. Если бы Одетта осталась в живых, им пришлось бы делить наследство между собой.

О'Рейли нервно заерзал на сиденьи.

— Там на обоих хватит,— заметил он.

В его голосе послышалась нотка растерянности.

— Некоторым женщинам всегда всего мало. На мой взгляд, миссис Мальрук даже воздухом не поделится ни с кем добровольно.

Я физически ощутил на себе пристальный взгляд О'Рейли, но сам по-прежнему невозмутимо смотрел перед собой.

— Лейтенант тоже так думает?

— Не спрашивал.

Последовала некоторая пауза, потом О'Рейли сказал:

— А неплохая была мысль напечатать эту фотографию. Между прочим, фоторобот здорово похож на вас.

Его контратака не застала меня врасплох.

— Ничего удивительного. Мы имеем описание мужчины, которого видели с девушкой у «Притона пиратов» и, поскольку он примерно моего роста, меня попросили позировать фотографу.

После такого отпора пару кварталов он молчал. Потом я сказал:

— В багажнике машины, рядом с трупом, был найден чемодан.

Я заметил, что лежавшая на колене мускулистая рука О'Рейли слегка вздрогнула.

— Вы хотите сказать, что нашли чемодан с деньгами?

— Нет, что вы! Нашли чемодан, набитый старыми газетами. Вы знаете, что у Мальрука было два абсолютно одинаковых чемодана?

Снова я почувствовал, как его серые колючие гла-

за подозрительно уставились на меня.

— Да.

— Вероятно, кто-то подменил чемодан с деньгами как раз перед тем, как Мальрук поехал вручать выкуп. Сделать это было проще простого.

— Что вы хотите этим сказать? Кто мог подменить чемодан?

На этот раз его голос прозвучал несколько хрипло. Он тяжело нагнулся, поднял дымящуюся сигарету и выбросил в окошко.

— Я высказал только предположение. По-моему, события развивались таким образом: неизвестные похищают девушку. Старик готовит деньги для выплаты выкупа. Неожиданно его супруге приходит в голову блестящая идея. Если похитители обнаружат, что их надули, то они убьют девушку. А со смертью Одетты все состояние достается супруге. Таким образом, миссис Мальрук кладет пачку газет во второй чемодан и подменяет им первый перед тем, как Мальрук собирается выехать из дома. Мораль: с помощью этой маленькой махинации она получает пятьсот тысяч долларов на мелкие расходы, освобождается от падчерицы и открывает дорогу для получения всего состояния.

О'Рейли на пару минут буквально окаменел; затем натянуто усмехнулся и спросил:

— Что думает лейтенант об этой гипотезе?

— Ничего. Я еще не говорил с ним.

— Вот как? — О'Рейли резко повернулся на сиденье и с откровенной ненавистью посмотрел на меня.— Советую попридержать вашу фантазию. Мальруки — очень влиятельные люди. Если вы без всяких доказательств, станете распространять подобные сплетни, то неприятностей вам не миновать.

— Я знаю. Попробую раздобыть доказательства. А вам понравилась моя идея?

— Сущая чепуха! — свирепо возразил он.— Миссис Мальрук не способна на такой поступок.

— Да что вы! Придется поверить на слово. Вы должны знать ее гораздо лучше, чем я.

Прежде чем он успел ответить, я затормозил машину перед зданием полиции.

В морг мы вошли вместе. Реник и Барти сидели на мраморном столе и беседовали. В глубине комнаты, на другом столе, виднелось покрытое простыней тело.

О'Рейли пожал руку Ренику и кивнул Барти.

— Итак, вы нашли ее.

Держался он спокойно и невозмутимо, как и подобает полицейскому.

Я проводил его взглядом, пока он шел к столу, но отвернулся, когда он откинул простыню. Снова нервы мои натянулись, и пот выступил на лбу. Реник спросил:

— Она?

— Да... бедная девочка. Значит, ее задушили. Напали на след преступника, лейтенант?

— Пока нет, но от нас он не уйдет. Что ж, не смею больше задерживать. Спасибо за то, что приехали.

— Рад помочь вам, лейтенант,— ответил О'Рейли и, попрощавшись с Реником и Барти, вышел из комнаты, бросив на меня угрожающий взгляд.

Мы направились к выходу.

— Что сказала миссис Мальрук в отношении платья? — спросил меня Джон, когда мы вернулись в отведенный Ренику кабинет.

— Это пляжное платье купила Рея. Девушка держала его в машине и надевала, когда ездила купаться.

— Почему же она переодевалась? — задумчиво проговорил Джон, усаживаясь в кресло.— Что-то здесь не то.

— Почему в чемодане оказались газеты? — добавил Барти.— Запутанная история...

— Да...— протянул Реник и обратился к Барти: — Прикажи сфотографировать это платье, Фред. Может быть, кто-нибудь видел в нем девушку...

Агент ФБР быстро вышел из комнаты.

В дверь постучали, на пороге появился полицейский.

— Вас хочет видеть некий Крис Келлер,— сказал он Ренику.— Это по поводу напечатанной в газетах фотографии.

Меня как обухом по голове ударили. Я уставился на дверь. В комнату вошел довольно молодой мужчина примерно моего телосложения. Незнакомец вопросительно переводил взгляд с меня на Реника. С трепетом ждал я, что он сейчас скажет, но он не узнал меня. Мне он тоже не был знаком, и я немного успокоился.

— Мистер Келлер? — проговорил Реник, поднимаясь из-за стола. Они обменялись рукопожатием. Келлер сразу перешел к делу:

— Лейтенант, я видел фотографию в газете. Похоже, мне встречался ваш человек.

— Присаживайтесь, пожалуйста,— приветливо пригласил Реник.— Где же вы его видели?

— В аэропорту.

Сердце сильнее застучало в моей груди. Чтобы овладеть собой, я схватил карандаш и стал царапать что-то на листке бумаги.

— Когда?

— В субботу вечером.

Реник навострил уши.

— В какое время?

— Часов в одиннадцать.

— Почему вы думаете, что это был именно тот человек, которого мы ищем?

Келлер смутился и плотнее уселся в кресле.

— Понимаете... Мое внимание привлек его костюм. Я давно собираюсь купить себе что-нибудь подобное. В аэропорт я приехал встречать моего друга и сразу в толпе заметил этот костюм, показавшийся мне очень элегантным. А утром, увидев в газете фотографию, я подумал, что стоит сказать вам об этом.

— Правильно сделали. Вы узнаете этого человека при встрече?

— Откровенно говоря, лейтенант, я не посмотрел ему в лицо. Меня интересовал только костюм.

Реник разочарованно вздохнул и равнодушно задал вопрос, которого я боялся больше всего?

— Мужчина был один?

— Нет, с девушкой.

Реник поднялся. Видно было, что он с трудом сдерживает волнение.

— А на девушку вы посмотрели, мистер Келлер?

— Конечно! Как не посмотреть на хорошенькую девчонку!

— В чем она была одета?

— На ней было простенькое платье белое с голубым. Большие темные очки, рыжая, как раз на мой вкус.

— Рыжая? Вы уверены?

— Абсолютно.

Я вытащил платок и постарался незаметно вытереть катившийся градом пот.

Реник схватил трубку телефона.

— Тэйлор, немедленно принеси платье девушки.

— Я думал, что вас интересует мужчина, а не девушка, лейтенант,— растерянно заметил Келлер.

— Как вела себя эта пара? — быстро спросил Реник, не обращая внимания на его замечание.

Почуяв волнение Джона, Келлер задумался.

— Они вошли в зал ожидания. Мужчина держал в руке чемодан. Девушка показала билет контролеру, мужчина передал ей чемодан, и они распрощались.

— Они говорили между собой?

Келлер отрицательно покачал головой.

Вошедший в это время полицейский принес платье Одетты.

Реник взял его за плечики и показал Келлеру.

— Оно,— уверенно проговорил тот.

— Отлично, мистер Келлер. Мы еще увидимся. Благодарим вас за помощь.

Реник кивнул полицейскому, чтобы тот проводил свидетеля, а сам бросился к телефону.

Я почти физически ощущал, как петля все туже и туже стягивается на моей шее.

— Что-то в этой истории концы с концами не сходятся,— отдав какое-то приказание по телефону, проговорил Реник.— С самого начала я подозревал, что это похищение — не из обычных.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока я еще не разобрался, но твердо решил докопаться до истины.

Вошел Барти. Джон рассказал ему о визите Келлера. Барти присел на угол стола и задумался.

— Итак, рыжеволосая полетела одна. Одетта Мальрук была брюнеткой. Однако два свидетеля, стюардесса и Келлер, утверждают, что пассажирка была рыжей. На какую фамилию она брала билет?

Реник взял папку и заглянул в бумаги.

— Энн Харкорт. Пункт назначения — Лос-Анджелес. Кто же такая Энн Харкорт? Послушай, Фред, брось все дела и займись этой версией. Достань мне все сведения об Энн Харкорт. Пусть за дело возьмутся твои ребята. Позвони в Лос-Анджелес, попроси проверить, куда направилась Харкорт из аэропорта. Пусть также прочешут все гостиницы.

— Что ты задумал, Джон?

— Видишь ли, в этой истории много странного. Похититель представляется девушке по телефону как Джерри Вильямс, которого она не видела уже пару

месяцев, и убеждает ее приехать в «Притон пиратов», куда парни такого социального положения никогда не заходят. А в «Притоне» Одетта неожиданно исчезает. В десять тридцать за рулем ее автомашины видели плечистого рослого мужчину в коричневом костюме. Этого же мужчину в одиннадцать заметили в аэропорту в сопровождении девушки, одетой в платье покойной. Время совпадает: от «Притона пиратов» до аэропорта как раз полчаса езды на машине. До сих пор все ясно. Девушку могли похитить, могли так запугать, что она согласилась переодеться, надеть рыжий парик и темные очки и следовать за похитителем. Но что же произошло дальше? — Джон стукнул кулаком по столу.— Девушка улетает одна! На борту находилось еще четырнадцать человек, не имевших к ней никакого отношения. Стюардесса всех их давно знает! Мужчина, которого видели за рулем автомашины, покидает аэропорт и испаряется. Затем мы находим труп девушки и чемодан, где должны были лежать деньги. Однако чемодан оказывается набитым старыми газетами и, что довольно подозрительно, этот чемодан совершенно идентичен другому, в котором находились деньги.— Джон обернулся к Барти: — что ты думаешь обо всем этом?

— Если предположить, что Энн Харкорт и есть Одетта Мальрук, то речь может идти о ложном похищении.

— Именно так,— подтвердил Реник.— Ну, за дело! Проверим все, что только можно проверить.

Он резко повернулся ко мне:

— Выбери из наших служащих девушку, похожую на Одетту Мальрук, заставь ее одеть это платье и скажи фотографу, чтобы он сфотографировал ее. Лицо на фотографии затушевать, снимки разослать во все местные газеты, а также в газеты Лос-Анджелеса. Кто-нибудь может узнать ее.

— Я взял платье и вернулся в свой кабинет. Казалось, еще мгновенье — и силы покинут меня. Капкан захлопывался слишком быстро. Через двадцать четыре часа, если не раньше, Джон докопается до истины. Мне необходимо доказать виновность О'Рейли до моего ареста. Но как?

В последующие часы я был слишком занят, чтобы думать о своих проблемах.

Я уже собирался идти обедать вместе с Джоном

с Бартом, как вдруг зазвонил телефон. Мы находились в кабинете Реника. Мой друг взял трубку и сразу же передал ее мне.

— Это Нина, она спрашивает тебя.

— Слушаю, дорогая. Я собираюсь обедать...

— Гарри, умоляю тебя, приезжай немедленно.— Странная, незнакомая нотка звучала в ее голосе: так мог говорить только объятый ужасом человек.— Мне срочно нужно поговорить с тобой, Гарри.

Я встревожился.

— Сейчас приеду,— пообещал я и повесил трубку.

— Нина просит, чтобы я приехал обедать домой,— объяснил я Джону.— К двум я вернусь.

— Конечно, поезжай.— Джон читал какое-то донесение и даже не оторвал глаз от бумаги.— Возьми машину.

Я бегом слетел с лестницы, вскочил в машину и помчался домой, не отнимая ноги от акселератора. Без сомнения, случилось что-то серьезное. Я не мог представить себе, что именно, но по тону Нины было видно, что ей не до шуток. Взбежав по ступенькам на крыльцо, я крикнул:

— Нина!

— Я здесь, Гарри.

Я пробежал прихожую, распахнул дверь в гостиную и остановился как вкопанный.

Нина сидела в кресле и испуганно смотрела на меня. Она казалась меньше ростом, худенькая и беззащитная.

Рядом с ней, закинув ногу на ногу, развалился в кресле О'Рейли.

Он расстался со своей шоферской униформой. В глаза мне бросилась его яркая спортивная рубашка, элегантные зеленоватые брюки и служебный полицейский пистолет, направленный на меня.

Глава 12

— Проходи, красавчик, присоединяйся к нашему застолью,— пригласил О'Рейли.— Похоже, твоя крошка не слишком довольна моей компанией.

Я подошел ближе и сел рядом с Ниной. Мое удивление при виде этого человека в нашем доме

быстро прошло, сменившись холодной яростью.

— Советую вам убраться отсюда, пока я не вышвырнул вас,— сказал я.

Он засмеялся, показав белые правильные зубы.

— Послушай, красавчик: парень ты не из слабых, но до меня тебе далеко. Я свободно могу за один раз отделать пару таких, как ты.

— Что вам от меня нужно?

— Не прикидывайся дурочком! Мне нужна лента с записью.

— Значит, это вы убили Одетту.

О'Рейли почесал затылок и широко улыбнулся.

— Разве? Все факты говорят против тебя. Какой же ты балбес, черт побери! И какой болтун! Если бы ты держал язык за зубами, мы с Реей считали бы себя в безопасности... Так нет же, черт тебя дернул похвастаться. Задал ты жару Рее своей лентой! Мне-то наплевать на это, но, поскольку мы работаем вместе, я пообещал ей достать запись.

— Очень жаль, но вы ее не получите. Если я и дам ее кому-нибудь, так только Ренику.

Он кинул многозначительный взгляд на пистолет и снова уставился на меня.

— Попробуйте только выстрелить. Не успеете вы добежать до порога, как в дом сбегутся люди,— с издевкой сказал я.— Ваш глупый шантаж не сработал. Убирайтесь отсюда!

О'Рейли откинулся на спинку кресла и расхохотался.

— Ты прав: я не собирался стрелять ни в тебя, ни в нее.— Он сунул пистолет в задний карман брюк.— Ладно, перейдем к делу. Мне нужна лента. Где она?

— В моем банке. Попробуйте взять ее там.

— Хитрый козел! Но сейчас мы поедем в банк, и ты отдашь мне ленту. Пошевеливайся!

— Не собираюсь. И вообще, мне уже надоела эта комедия. Убирайтесь!

Он уставился на меня долгим пристальным взглядом.

— Ну, что же...— не двигаясь, медленно проговорил О'Рейли.— Попробую убедить тебя. Решается вопрос о миллионах долларов, и твоя лента может свести на нет всю мою работу. Мне плевать, что случится с тобой, лишь бы у меня все было в порядке. Посмотрика.— Он вытащил из кармана голубой флакончик,

отвинтил пробку и осторожно вылил пару капель светлой жидкости на полированную поверхность журнального столика. Жидкость казалась живой. Со свистом и шипеньем она мгновенно выжгла небольшое углубление на гладкой поверхности столика.— Это серная кислота,— пояснил О'Рейли.— Такую штуку швыряют в лицо разным капризным типам. Я знаю десятки гангстеров, которые готовы окропить личико твоей жены за сотню долларов. Они решительные и безжалостные люди. И не надейся, что тебе удастся защитить жену. Рано или поздно настанет момент, когда ее можно будет застать врасплох. Короче, ты мне даешь ленту или через несколько дней твоя жена сменит свою хорошенькую мордашку на слепую и безобразную маску.

Пальцы Нины судорожно сжали мою руку. Оба мы, как завороженные, неотрывно смотрели на колдовскую жидкость, которая шипела и бурлила на столе. Я поднял глаза на О'Рейли и понял, что он не шутит. А мне одному защитить Нину просто невозможно. И я сдался.— Ладно, поехали,— сказал я, поднимаясь.

Нина схватила меня за руку.

— Нет! Не слушай его! Он не посмеет сделать это! Гарри! Прошу тебя...

Я вырвался и направился к двери, а она широко раскрытыми глазами смотрела мне вслед.

О'Рейли лениво поднялся.

— Твой муж прав, малышка. Не дури, будь умницей.

— Гарри! — закричала Нина.— Не уходи! Не отдавай ему ленту!

Я вышел из дома и сел в машину. Рядом уселся О'Рейли.

— Кипишь от злости? — злорадно произнес он.— Сам виноват: нужно было держать язык за зубами. А теперь ты попался. Как идет расследование? Реник уже подозревает тебя?

— Пока нет.— Бессильная злоба бушевала во мне, я готов был убить этого мерзавца. Теперь-то я понял, что совершил непоправимую глупость, сказав Рее про ленту, но было поздно. Сейчас я отдам О'Рейли ленту, и у меня не останется никаких доказательств ее причастности к похищению. Если я обвиню ее официально, она выставит целый полк первоклассных адвокатов, которые разобьют мою версию в пух и прах.

— Когда тебя арестуют, не пытайся втягивать в это дело ни меня, ни Рею. Тем более, что у нас железное алиби.

— Поздравляю.

— Крепкие у тебя нервы, если учесть, в каком положении ты сейчас находишься,— задумчиво заметил О'Рейли.

— Я сам влез в эту западню, сам и буду выбираться. Что касается вас, то сейчас вы видите все в радужном свете. Но вас ожидает хорошенький сюрприз, так как вы совсем не разбираетесь в женщинах.

Моя фраза, очевидно, задела его. Он повернулся и вопросительно уставился на меня.

— Что ты болтаешь?

— В свое время вы поймете. Я работал журналистом не один год и накопил большой опыт по части всяких актрис и балерин, знаю все их мыслишки и повадки. И твердо уверен в одном: Рея Мальрук ни за что не согласится провести всю свою жизнь рядом с вами. Ведь вы — самый обычный полицейский, утонченный и изысканный, как черствая горбушка. Когда Мальрук умрет и Рея унаследует все его огромное состояние, она аккуратнейшим образом избавится от вас. Это она умеет делать, не сомневайтесь. И не успеете вы сказать «а», как окажетесь бедным экс-сыщиком в поисках работы.

— Ты так думаешь? — Губы О'Рейли сложились в улыбку, но глаза совсем не улыбались.— Не надейся на это. Когда тебя задушат в камере и похоронят, мы с Реей поженимся.

Мне с трудом удалось непринужденно рассмеяться.

— Блажен, кто верует! — Я затормозил машину у здания банка. До его открытия оставалось три минуты.— Неужели вы всерьез думаете, что такая женщина, как Рея, выйдет замуж за чурбана?

Признаюсь: я вел себя, как болван,но в этой роли я не одинок.

— Заткни глотку, не то я заткну ее тебе сам,— прошипел он, покраснев от злости.

— Пожалуйста! — сказал я и, после небольшой паузы, добавил.— Однако на вашем месте я знал бы, что делать.

Он подозрительно взглянул на меня.

— Вот как? И что бы ты сделал?

Я вздрогнул от возбуждения. Он клюнул на мою

дочку!

— Нашел бы способ помешать Рее избавиться от меня, способ держать ее в руках...

О'Рейли сидел, не двигаясь. Мне даже показалось, что я слышу скрип колесиков в его черепной коробке, пока он с усилием переваривал мою идею.

В это время к двери банка подошел швейцар и стал отпирать ее.

— Хочу сказать вам еще пару слов. Отныне вы не сможете быть уверенным в своем будущем. При первом же удобном случае я постараюсь расправиться с вами. А если это не удастся мне, то наверняка с вами расправится Рея. Вы оказались еще глупее меня, но мне вас ничуть не жаль.

О'Рейли вышел из машины.

— Пошевеливайся и заткни свою глотку.

Мы подошли к арендованному мной сейфу, я достал ленту.

— Не потеряйте ее,— посоветовал я, вручая ему сверток.— Эта лента дорога для вас так же, как была дорога для меня.

— Отстань со своими проповедями,— отрезал он и, сунув сверток в карман, вышел из банка.

В два пятнадцать я уже был на работе. На моем столе была записка Джона — он просил немедленно явиться к нему.

Практически это могло означать все. Что Джон открыл что-нибудь новое... Что узнал что-либо обо мне... Словом, все. Но мне уже было как-то безразлично. За последние сутки я получил столько ударов, что перестал ощущать их тяжесть.

Когда я пришел в его кабинет, Джон внимательно изучал какое-то донесение. Он поднял на меня глаза и жестом указал на кресло.

— Через минуту я освобожусь,— сказал он и снова уткнулся в бумагу.

Может быть, мне просто показалось, но его голос не звучал уже так дружески, как раньше.

Я уселся в кресло и закурил.

Наконец, Джон сложил бумаги, откинулся на спинку кресла и уставился на меня. Лицо его ничего не выражало, а проницательный взгляд, казалось, проникал насквозь. Он смотрел на меня так, как смотрит полицейский на вероятного преступника... Или мне просто

так казалось?

— Гарри, ты разговаривал когда-нибудь с Одеттой Мальрук?

Сердце у меня замерло.

— Нет, ее семья перебралась сюда недавно, когда я еще сидел за решеткой, мне не пришлось брать у нее интервью,— как можно спокойнее ответил я, повернув его вопрос на свой лад, и подумал: «Вот и первая ложь».

С этого момента придется лгать до тех пор, пока Джон не разоблачит меня.

— Следовательно, ты ничего не знаешь о ней.

— Абсолютно.— Я стряхнул пепел сигареты.

— Почему ты меня спрашиваешь об этом?

— Просто так. Хочу проверить все предположения.

— Скажу одну вещь, которая может помочь тебе. Мальрук по национальности француз, а по французским законам родители не могут лишить детей наследства. В любом случае дети имеют право на получение пятидесяти процентов состояния родителей. Если бы Одетта осталась в живых, она имела бы право на половину миллионов отца. А теперь все получит ее мачеха.

— Интересно ...

Похоже, что я не сообщил ему ничего нового. После небольшой паузы Джон заметил:

— Узнать бы, есть ли у нее любовник.

— Понятия не имею,— решительно ответил я.

Дверь распахнулась, и вошел Барти.

— У меня кое-что для тебя, Джон,— объявил он, игнорируя меня.— Полиция Лос-Анджелеса сразу напала на след. Девушка, назвавшая себя Энн Харкорт, останавливалась в «Реджент», тихой, небольшой гостинице. Портье запомнил ее: рыжая, в белом с голубым платье.

Приехала она в «Реджент» на такси, в час ночи. Полиция отыскала таксиста, и тот подтвердил, что вез ее из аэропорта. В гостинице девушка закрылась в комнате и даже еду просила подавать ей в номер. Дважды ей звонили из Палм-Сити, в воскресенье утром и вечером, часов в девять. Весь понедельник она просидела в номере, затем в десять вечера оплатила счет и уехала на такси в аэропорт.

— Девушка оставила в комнате отпечатки пальцев?

— Еще лучше. Она забыла дешевую расческу,

горничная видела, как та ею расчесывалась. На расческе остались четкие отпечатки пальцев. Ребята из полиции Лос-Анджелеса пересняли их и сегодня пришлют мне.

— По-моему, Энн Харкорт и есть Одетта Мальрух,— произнес Джон, протягивая федеральному агенту бумагу, которую читал перед этим.— Это данные вскрытия, Барти. Убийца сначала ударил девушку по голове, а затем задушил ее. Так что дело обошлось даже без борьбы. Есть интересная деталь: на туфлях и между пальцами ног покойной обнаружены песчинки. Ребята из лаборатории надеются установить, на каком именно пляже они попали к Одетте.

Странно было слушать, как они разговаривают между собой, не обращая на меня ни малейшего внимания.

— Я пойду к себе, если не нужен больше,— обратился я к Джону.— Работы накопилось много.

Оба обернулись и уставились на меня.

Иди, пожалуйста, только никуда не выходи из прокуратуры,— ответил Джон.— Ты вскоре можешь понадобиться.

— Ты найдешь меня в кабинете.

Я быстро вышел из комнаты и пошел по коридору. У единственной лестницы, ведущей на улицу, оживленно беседовали двое полицейских. Когда я проходил мимо, оба рассеянно посмотрели в мою сторону. Неужели они сторожили выход, чтобы помешать мне скрыться?

Охваченный паникой, я прошел к себе и уселся за стол. Может быть, меня уже разоблачили? Может быть, Реник все уже знает?

Я попытался сосредоточиться над работой, но не смог. Не выпуская изо рта сигарету, я вышагивал взад-вперед по кабинету, мучительно стараясь придумать способ разоблачить О'Рейли, но безуспешно. Через час я вышел в коридор и направился в туалет. Двое полицейских все еще стояли на прежнем месте.

Едва я вернулся, как зазвонил телефон.

— Зайди ко мне, Гарри,— сказал Джон.

Не будь у выхода полицейских, я, пожалуй, сбежал бы.

Я собрался с духом и направился к кабинету Реника. Он ждал меня в дверях.

— Медоуз вызывает нас,— пояснил он.

Медоуз сидел за столом и работал. Когда мы вошли, он поднял голову от бумаг.

— Ну, что нового?

Реник уселся в кресло, а я пристроился чуть в стороне, за пустым столом.

— Пожалуй, сейчас я уже убежден, что девушку никто не похищал,— проговорил Джон.

Прокурор, который в это время отрезал кончик сигареты, замер от изумления и вытаращил глаза.

— Что вы сказали?

— Мы имеем дело с ложным похищением. Она и мужчина в коричневом пиджаке действовали в согласии. По-моему, мужчине нужны были деньги, и он смог убедить Одетту помочь ему. Только таким образом можно было заставить раскошелиться Мальрука.

— Я совершенно уверен в этой версии,—Джон сообщил прокурору все подробности про Энн Харкорт, переданные из Лос-Анджелеса.— Десять минут тому назад мы получили отпечатки пальцев Энн Харкорт. Сомнений больше нет, она оказалась Одеттой Мальрук. Следовательно, девушка добровольно отправилась в Лос-Анджелес и добровольно же вернулась оттуда; никто ее и не собирался похищать.

— Черт побери! — взорвался Медоуз.— А почему же тогда ее убили?

— Ее приятель забрал выкуп, они встретились, он, очевидно, захотел забрать все деньги и задушил девушку, чтобы избавиться от лишнего свидетеля.

Я так сжал кулаки, что ногти врезались в ладонь.

— Кто же эта свинья? Вы обнаружили какие-нибудь новые улики? — осведомился Медоуз.

— Да,— спокойно ответил Джон.— Но пока недостаточно, чтобы арестовать его.

Медоуз поднялся и зашагал по кабинету.

— Пока лучше эти предположения не сообщать в газеты, Барбер,— посоветовал он.— Такая новость прогремит, как взрыв динамита. Ты действительно думаешь, что девушка хотела нагреть своего отца на полмиллиона? — обратился он к Ренику.

— Очевидно, ее убедил так поступить убийца. Возможно, он был ее любовником. Она поддалась на его уговоры и поплатилась головой.

Наконец я сообразил, что пора и мне сказать что-то. Нельзя больше молчать, как мумия.

— Почему преступник не скрылся, забрав выкуп? —

спросил я, надеясь, что мой голос звучит тверже, чем мне это кажется.— Зачем ему потребовалось встречаться с ней и убивать ее?

Джон внимательно посмотрел на меня и отвел глаза.

— Если бы он убежал с деньгами, то девушка в отместку могла бы рассказать обо всем отцу. Очевидно, убийца знал, что с ней шутить опасно, и решил закрыть ей рот навсегда.

Зазвонил телефон. Реник взял трубку, послушал пару минут и воскликнул: — В самом деле? Вы уверены? Замечательно...— и повесил трубку. Затем повернулся к Медоузу и пояснил: — Эксперты сообщили, что найденный на туфлях Одетты песок характерен для Лидо Ориентале. Это искусственный пляж, и они полностью убеждены в своем заключении. На этом пляже расположены самые дорогие купальные кабины. Наверняка девушка и убийца встретились в одной из них. Я немедленно выезжаю туда.— Он бросил на меня беглый взгляд.— Поехали со мной, Гарри.

— Но у меня накопилось столько работы,— робко возразил я, сознавая, что голос мой дрожит, а щеки покрылись лихорадочными пятнами.

— Оставь бумажки, ничего с ними не сделается,— отрезал Джон.— Поедешь со мной.

Когда мы подошли к выходу, я заметил, что Джон кивнул двум полицейским, которые сразу же двинулись следом за нами. На улице нас ожидали две автомашины. Одна из них была набита техниками из лаборатории; на заднее сиденье другой уселись мы с Реником, а полицейские заняли место впереди, рядом с водителем.

В шесть часов мы уже были на Лидо Ориентале. На пляже еще толпился народ. Билл Холден сидел в своей конторке, он удивленно вытаращил на нас глаза.

— Добрый вечер, мистер Барбер,— поздоровался он со мной, бросив любопытный взгляд на Джона.

— Это лейтенант Реник из полиции,— представил я.— Он хочет задать тебе пару вопросов, Билл.

— К вашим услугам, лейтенант.

«Конец,— подумал я.— Если не удастся складно соврать, я пропал».

— Мы ищем одну девушку,— начал Реник.— Лет двадцать, симпатичную, рыжую. Одета в белое хлопчатобумажное платье с голубой отделкой. Носит тем-

ные очки и легкие туфли-балетки.

Холден отрицательно покачал головой.

— Весьма сожалею, лейтенант, но на такой вопрос ответить я не могу. За сезон я вижу тысячи девушек. На мой взгляд, все они одинаковы.

— Мы имеем основания предполагать, что в ночь с воскресенья на понедельник девушка была здесь. Вы работали в это время?

— Нет, я кончаю работу в восемь вечера.— Холден растерянно посмотрел на меня.— Но вы-то были здесь, мистер Барбер, не так ли?

Мне едва удалось подавить охватившее меня смятение.

— Нет, Билл, в понедельник, я был дома.

Реник в упор разглядывал меня.

— Боюсь, что ничем не могу быть вам полезен, лейтенант,— пробормотал Холден.

— Откуда вы взяли, что мистер Барбер мог быть здесь в понедельник ночью? — с нарочитой небрежностью спросил его Джон.

— Видите ли, я думал...

Настало время мне вмешаться.

— Я снимал на время одну из этих кабин, Джон. Хотел написать книгу, а дома никак не мог сосредоточиться.

— Вот как? — явное недоверие, сквозившее в его голосе, больно укололо меня.— Что-то ты не говорил мне об этом.

Я натянуто улыбнулся:

— Все дело в том, что книга не удалась.

Джон целую минуту молча смотрел на меня, затем снова повернулся к Холдену.

— Кабины были заперты на ключ в понедельник ночью?

— Конечно: я сам лично запирал их. Кроме кабины мистера Барбера, разумеется. Ключ от этой кабины находился у него.

— Какую кабину он снимал?

— Последнюю по левой стороне, ответил Холден. Он вконец растерялся и бросал испуганные взгляды то на меня, то на Реника.

— Там есть кто-нибудь сейчас?

— Нет, она свободна.

— Вы никогда не видели здесь Одетту Мальрук?

— Девушка, которую похитили? — Холден отрица-

тельно покачал головой.— Она никогда не приезжала сюда, лейтенант. Я бы заметил, сколько раз видел ее фотографии в газетах...

— Я взгляну на кабину мистера Барбера. Она открыта?

— Ключ в дверях, лейтенант.

Мы с Реником вышли на солнце и медленно двинулись по деревянной дорожке, старательно обходя отдыхающих, которые с любопытством разглядывали нашу далеко не пляжную одежду. Наконец мы подошли к кабине, где умерла Одетта.

Реник открыл дверь и вошел вовнутрь. Он осмотрелся вокруг, потом внезапно резко повернулся и взглянул мне прямо в глаза.

— Ты не говорил мне, Гарри, про эту кабину.

— С какой стати я должен был говорить? Мне даже в голову не пришло, что это может интересовать тебя.

— Может быть, девушка была убита именно здесь.

— Ты так думаешь? Ее могли убить и на пляже.

— Постарайся вспомнить: в ту ночь ты запирал кабину на ключ?

— Нет. Я не сказал этого при Холдене, чтобы тот не злился. Ключ остался в двери. Это я обнаружил, когда утром вернулся за пишущей машинкой.

— Следовательно, ее могли убить здесь.

В этих кабинах запоры служат только для красоты. Одетту могли убить в любой другой кабине.

Джон молча размышлял несколько минут, а я прислушивался к бешенному стуку моего сердца.

Наконец Реник посмотрел на часы.

— Ладно, Гарри, можешь ехать домой. Сегодня ты мне не понадобишься. Скажи кому-нибудь из ребят, чтобы проводили тебя. А остальных — срочно ко мне.

— Я охотно останусь, если нужна моя помощь.

— Нет, нет, можешь ехать.

Не обращая больше на меня никакого внимания, он стал внимательно осматривать комнату. Я знал, что произойдет здесь, как только я шагну за порог. Эксперты обследуют каждый сантиметр кабины. Обнаружат отпечатки пальцев Одетты. Если им повезет, они найдут также отпечатки О'Рейли и Реи. Насчет моих я не боялся. Беспокоила меня мысль о том, что Джон пойдет к Биллу Холдену и спросит, не попадался ли ему здесь рослый плечистый мужчина в коричневом

спортивном костюме, и Холден ответит, что именно в таком костюме он видел на пляже меня.

— Лейтенант ждет вас в последней кабине по левой стороне,— обратился я к экспертам.— А я поехал домой. До свидания, ребята!

Один из полицейских, который днем сторожил выход из прокуратуры, подошел ко мне.

— Мы проводим вас, мистер Барбер. Тем более, что делать нам пока нечего.

Настал момент проверить, насколько обоснованы были мои подозрения.

— Спасибо, ребята, не беспокойтесь. Я поеду на автобусе.

Когда автобус двинулся, я выглянул из окошка. Машина с двумя полицейскими следовала за автобусом.

Глава 13

Едва я открыл дверь, как навстречу мне бросилась Нина, бледная и встревоженная. Она обхватила меня руками за шею, и я крепко обнял ее.

— Гарри! — шепнула она.— Сегодня после обеда, пока меня не было дома, к нам приходили с обыском.

Я сжал ее еще крепче.

— Почему ты так думаешь?

— Говори тише. Они могли установить в доме микрофон.

Я сразу же понял, какая опасность нам угрожала.

— Ты права. Пожалуй, нужно искать его в гостиной.

— Подожди меня здесь.

Я прошел в гостиную и включил радио на полную громкость. Затем выглянул из окна. Машины с полицейскими не было видно, но наверняка они притаились где-то рядом. Тогда я прошел в кухню и выглянул из окна, выходившего в другую сторону. Около столба, совсем недалеко от нашего черного хода, работали два монтера. Один из них не спеша полез на столб, другой остался внизу. Работали они с явной прохладцей.

Я снова вернулся в гостиную и тщательно стал обследовать каждый сантиметр в поисках микрофона. Наконец я обнаружил его в радиаторе калорифера. Не будь я немного знаком с методами работы полицей-

сами, я бы никогда не нашел его. Я поднес радио к самому радиатору и оставил его там включенным по-прежнему на полную громкость.

— Что значит эта история с микрофоном? — встревоженно спросила Нина.

— Они уже подозревают меня и даже установили наблюдение за домом.

Внезапная мысль обожгла меня. Бегом я бросился в спальню и рывком распахнул шкаф: мой коричневый спортивный костюм исчез.

Нина с трудом сдерживала слезы.

— Гарри, что они с тобой сделают?

Я прекрасно знал, что они со мной могут сделать: запереть в газовую камеру. Но Нине я этого не сказал.

— Что же нам делать? — чуть слышно спросила моя жена.

— Не знаю. Ведь должен же быть какой-нибудь выход! Все время я ломаю себе голову, но пока ничего не могу придумать.

— Расскажи все Джону. Он наверняка поможет.

— Джон ровным счетом ничего не сможет сделать. У меня нет никаких доказательств моей невиновности. Нужно заставить О'Рейли сознаться, но как?

— А куда делись деньги, которые приготовил Мальрук для выкупа?

Я ошеломленно взглянул на нее. С проблеском пока еще неясной надежды я вспомнил слова самого О'Рейли: «Найдите деньги и найдете убийцу».

— Что с тобой, Гарри? Ты что-то придумал?

— Деньги! Куда они делись? — Я лихорадочно зашагал взад-вперед по комнате.— Пятьсот тысяч долларов в мелкой купюре не так-то легко спрятать. Сдать их в банк они, конечно, не могли. Держать дома — тоже большой риск. Они прекрасно знают, что как только меня арестуют, я все расскажу про них Ренику, и Джон непременно прикажет обыскать виллу. Слишком опасно. Где же тогда? Наиболее вероятные места — это камеры хранения на вокзалах, автостанциях или в аэропортах. Самое простое для О'Рейли — это сдать на хранение чемодан там, где вещи сдают все. Никто не обратит внимания, а в случае опасности забрать деньги очень легко.

— Скажи об этом Джону.

— Бесполезно. Нужно поймать О'Рейли с чемоданом в руках.

— Но ведь это невозможно!

— Да, разве что... Разве что мне удастся обмануть его.

— Но как? Такого хитрого подлеца...

— Ладно, не будем пока думать об этом. Давай перекусим что-нибудь... И потом, я хотел бы хоть на немного выключить это проклятое радио, пока оно не свело меня с ума.

— Разумеется, дорогой.— Нина поднялась на цыпочки и поцеловала меня. Затем она отправилась на кухню и загремела там посудой, а я принялся лихорадочно размышлять. Однако лишь к концу нашего короткого и грустного обеда спасительная мысль пришла мне в голову.

Нина, которая время от времени бросала на меня испытывающие взгляды, сразу заметила, как изменилось выражение моего лица. Я открыл было рот, но затем поднялся и снова включил радио.

— Похоже, я придумал, что делать, и, пожалуй, это единственный путь. Но эта идея может сработать только в том случае, если О'Рейли действительно спрятал деньги в камере хранения.

Я подошел к столу, взял ручку, лист бумаги и написал:

«Последние известия.

Прерываем нашу передачу, чтобы сообщить вам последние новости по делу Мальрука.

Полиция Палм-Сити считает, что выплаченные преступнику деньги спрятаны в районе нашего города, в одной из камер хранения.

У губернатора штата запрошен специальный ордер на обыск, и завтра, с десяти часов утра работники полиции начнут вскрывать все сумки, чемоданы и прочие вещи, сданные в местные камеры хранения.

Все, кто сдавал недавно вещи, должны явиться с ключом в ближайший полицейский участок.

Обыску будет подвергнута вся территория города и его окрестности в радиусе 150 километров. Окружной прокурор Медоуз верит в положительный исход этой крупной операции, направленной на раскрытие преступления».

Я протянул лист Нине. Та внимательно прочитала текст и недоуменно взглянула на меня.

— Ничего не понимаю.

— В мою обязанность входит регулярно снабжать радио и телевизионные станции последними новостями о ходе расследования. Если я лично передам это сообщение, его без звука примут и на радио, и на телевидении. Я уверен, что услышав это объявление, О'Рейли потеряет покой. Вполне возможно, что он немедленно бросится за деньгами, и мне останется только проследить за ним.

— А вдруг он не будет слушать эту передачу?

— Не беспокойся,— заверил я, подняв трубку телефона, но тут же передумал.— Полиция наверняка прослушивает нашу линию. Лучше позвоню из ближайшего бара.

— Мне идти с тобой, дорогой?

— Лучше не надо. Подожди меня здесь.

Уже стемнело. Открыв калитку, я посмотрел в обе стороны улицы. Метрах в пятидесяти от моего дома стояла полицейская машина. Бар, к счастью, находился в другой стороне. Я не спеша направился к бару и сразу же услышал, как машина двинулась следом. Но теперь я боялся только одного: что меня арестуют раньше, чем я смогу привести в исполнение мой план.

В баре я закрылся в телефонной будке и продиктовал текст объявления дежурному местной радиотелевизионной станции. Затем набрал номер телефона Мальрука.

— Говорят из полиции,— сказал я ответившему мне мажордому.— Мне нужен О'Рейли. Он дома?

— По-моему, да. Подождите, пожалуйста, минутку, я пойду позову его.

Через пару минут в трубке послышался грубый голос шофера:

— Кто говорит?

— Привет, болван. Совесть еще не мучает тебя?

— Это вы, Барбер?

— Да. Хочу предупредить, что сегодня, в одиннадцать вечера, радио и телевидение передадут объявление окружного прокурора, которое может заинтересовать тебя. Понял? До встречи в газовой камере,— и повесил трубку, прежде чем он успел ответить.

Едва я вышел из будки, как в бар вошел рослый краснолицый мужчина. Казалось, на лбу у него так и написано: «полицейский».

Он сразу же направился прямо ко мне.

— Мистер Барбер?
— Да.
— Вас просят приехать в полицейское управление. Машина ждет у входа.
— Что случилось? Какие-нибудь новости?
— Не знаю,— равнодушно ответил он.— Мне приказали привезти вас.
Возразить мне было нечего. Но карты уже розданы, оставалось ждать результата.
Реник склонился над столом в своем кабинете. Лампа с зеленым абажуром отбрасывала яркий свет на гладкую полированную поверхность стола.
Я тяжело опустился в ближайшее кресло, довольный, что оказался в полумраке.
— В чем дело? Я уже собирался спать.
— Хватит ломать комедию, Гарри,— спокойно сказал Джон.— Тебе грозят серьезные неприятности, и ты прекрасно знаешь это.
— Я арестован?
— Пока нет. Я решил сначала поговорить с тобой. Это неофициальный разговор. Он может стоить мне должности, но ведь мы двадцать лет знаем друг друга. Если дело обстоит так, как я думаю, мне придется передать следствие в руки Рейджера. Я не хочу «обрабатывать» тебя. А теперь скажи правду, как мужчина мужчине: ты убил Одетту Мальрук?
Я посмотрел ему прямо в глаза.
— Нет, но совершенно не надеюсь, что ты мне поверишь.
— В этом кабинете нет ни свидетелей, ни микрофонов. И я спрашиваю тебя не как полицейский, а как друг.
— И все же ответ будет тот же самый: нет.
Джон протянул руку к пепельнице и погасил сигарету. Безжалостный свет лампы осветил его осунувшееся лицо: похоже, он не спал пару ночей подряд.
— Это уже лучше. Но в этой истории ты замешан, не так ли?
— Да, по самую шею. И вся твоя дружба не сможет вытащить меня на поверхность.
Джон зажег новую сигарету.
— Расскажи все по порядку.
— Согласен. Но скажи, как ты докопался до меня?
— Тим Каули сообщил мне, что видел тебя в тот вечер в аэропорту с рыжей девушкой, одетой в белое

с голубым платье. Я стал расследовать эту версию и обнаружил остальные улики против тебя.

— Я так и думал, что Каули, сам того не желая, может погубить меня,— устало произнес я.

— Ну, ладно, рассказывай все, как было.

И я рассказал все, до самых последних мелочей. Умолчал только о том, что Нина была в курсе всей этой истории.

Реник не проронил ни слова за время моего монолога. Когда я закончил, он глубоко вздохнул и воскликнул:

— Боже мой! Ну и история! Непонятно теперь только одно: почему в этом заговоре согласилась участвовать Одетта?

— Мне самому сначала было неясно, но если подумать, то ответ один: Одетта была влюблена в О'Рейли. Очевидно, он всячески ухаживал за ней и добился своего. А она знала, что отец никогда не разрешит ей выйти замуж за такого человека. Ей нужны были деньги, чтобы удержать своего красавчика. Только она, бедняжка, не подозревала, что О'Рейли влюбился в Рею и что любовники решили использовать ее для своих целей. Кто-то из них внушил ей идею о ложном похищении, и она попалась на удочку. Тогда они принялись искать козла отпущения...

— Пожалуй, так.— Джон подумал несколько минут.— Но нам от этого не легче, Гарри. У нас нет доказательств твоей невиновности. Медоуз и слушать нас не захочет.

— Понятно,— ответил я и взглянул на часы. Было четверть одиннадцатого.— Но есть одна вещь, в которой ты можешь мне помочь. Я приготовил ловушку для О'Рейли. Есть надежда, что он приведет нас туда, где спрятаны деньги. Хорошо, если бы ты пошел со мной. Мне нужен свидетель из полиции...

Джон колебался.

Откуда ты взял, что О'Рейли попадет в твою ловушку?

— Попадет или нет, но это мой единственный шанс. Дай мне один только час свободы. Если мой капкан не сработает, я смирюсь перед неизбежным.

— Хорошо.

— Тогда поехали со мной.

— Куда?

— В дом Мальрука.

У входа мы встретили двух полицейских.

— Пусть они тоже едут,— сказал я.

Без четверти одиннадцать мы были на месте. В трех из четырех комнат первого этажа горел свет. Ночь выдалась теплая, огромные окна были распахнуты настежь.

— Я пойду первым,— шепнул я.

На цыпочках я поднялся по ступенькам просторной террасы и, бесшумно скользя вдоль стены, стал заглядывать в окна.

Наконец я отыскал их.

О'Рейли развалился в кресле с рюмкой виски в руке. Рея полулежала на диване и курила.

Джон неслышно подошел ко мне и затаился рядом. Полицейские остались чуть в стороне, за нашей спиной.

В это время О'Рейли сказал:

— Увидишь, все это пустая болтовня.

— Уже почти одиннадцать. Включи телевизор,— отозвалась Рея.

О'Рейли щелкнул переключателем огромного телевизора и вернулся в кресло.

Показывали фильм про гангстеров. Двое мужчин, с пистолетами в руках, охотились в полутьме друг за другом.

Рея спустила с дивана свои стройные ноги и уставилась на экран.

В одиннадцать трансляция фильма прервалась, на экране появилось лицо моего приятеля, диктора Фреда Хиксона.

— Мы прерываем нашу передачу, чтобы сообщить вам последние новости по делу Мальрука,— сказал Фред и зачитал полностью текст моего объявления. Когда он закончил, снова возобновился показ фильма.

Я замер в тревожном ожидании.

О'Рейли вскочил с кресла, расплескав виски.

— Черт побери!

Он подошел к телевизору и со злостью выключил аппарат. Затем обернулся с встревоженным видом.

— Завтра в девять! Очевидно, ордер на обыск еще не готов, иначе они начали бы сразу. Пожалуй, надо ехать в аэропорт!

С великим облегчением я вздохнул: моя ловушка сработала.

— Что ты собираешься делать? — спросила Рея.

— Как что? — О'Рейли обернулся и сердито по-

смотрел на женщину.— Если найдут деньги, мы пропали. Нужно немедленно забрать их. Какого я сыграл дурака, оставив их там! Не мог сообразить, что они начнут с аэропорта!

Рея, бледная как смерть, медленно поднялась с дивана. Глаза ее яростно сверкали.

— Это ловушка, болван! Неужели Барбер предупредил бы тебя просто так? Он надеется, что ты приведешь его прямехонько в то место, где спрятаны деньги. Он наверняка рассказал все своему лейтенанту, и они приставили агентов для слежки за тобой.

О'Рейли задумчиво почесал затылок.

— Может быть, и так, но нам придется рискнуть, крошка. И, пожалуй, за чемоданом лучше всего отправиться тебе. Я в это дело ввязываться не хочу.

— Я тоже. Пусть найдут деньги. Все равно они не смогут доказать, что они наши.

— Тебе придется ехать,— настойчиво проговорил О'Рейли. Его лицо покрылось каплями пота.— Чего ты боишься? Никто и не подумает, что ты поехала за выкупом. Просто заберешь свой чемодан.

— Не поеду! — пронзительно закричала Рея.— Я не собираюсь попадать в эту дурацкую ловушку! Пусть находят деньги, тем более что у нас их предостаточно.

— Послушай, крошка, если ты хочешь спасти свою шкуру, тебе необходимо забрать этот чемодан. Кроме денег, в чемодане лежит магнитофонная лента.

Рея насторожилась.

— Какая лента?

— Тише, нас могут услышать. Я не сжег ленту, как сказал об этом тебе.

Последовала долгая пауза, затем Рея взорвалась:

— Лжешь! — голос ее сорвался на пронзительный визг.— Тебе просто нужны эти деньги, и ты любой ценой хочешь отправить меня за ними!

— Послушай меня. Повторяю: в чемодане лежит та самая магнитофонная лента. Признаюсь, я был идиотом, попавшись на удочку этого проходимца Барбера. Он сказал, что если я не сохраню ленту, то ты со временем бросишь меня, и когда я поехал в аэропорт сдавать чемодан в камеру хранения, я положил в него ленту. Я хотел подарить ее тебе в день нашей свадьбы. Меня эта лента не волнует, но тебе она обеспечит тюрьму.

— Подлец,— прошипела Рея.— Безмозглый, низкий подлец!

— Ты напрасно теряешь время. Шевелись, если не хочешь провести остаток своей жизни за решеткой.

— Не поеду! Поезжай сам, иначе я скажу полицейским, что это ты убил Одетту! Мне могут дать несколько лет тюрьмы, но тебе не миновать газовой камеры. Я все расскажу, все, все! У меня сохранились твои любовные письма. Я могу погубить тебя, задушить в газовой камере, жалкое ничтожество!

— Ах, вот как! — О'Рейли нахмурился.— Значит, этот проходимец был прав! Так ты не собиралась выходить за меня замуж, грязная тварь? И никогда меня не любила, не так ли? Я вижу это по твоей гнусной роже!

— Выйти за тебя замуж? — завопила она.— Я обещала тебе полмиллиона долларов! Тебе мало? А ты вообразил, что я выйду замуж за такого верблюда!

Пистолет двадцать пятого калибра неожиданно появился в правой руке О'Рейли.

— Я думаю немножко по-другому, крошка. Не хочешь ли ты получить небольшую конфетку между глаз? Полицейские решат, что ты покончила с собой. Они найдут ленту и подумают, что ты, услышав объявление, потеряла голову и решила убить себя раньше, чем это сделают они. А я буду спасен, на свободе и вне подозрений.

— Убери пистолет,— попятившись назад, прохрипела Рея.— Барбер знает, что это ты убил ее! Если не я, так он сам все расскажет.

О'Рейли злорадно ухмыльнулся.

— Никто ему не поверит, а доказательств у него нет. Моя идея нравится мне все больше и больше.

Джон резко оттолкнул меня в сторону, и, сжав в кулаке свой пистолет тридцать восьмого калибра, шагнул в комнату через низкий подоконник.

— Брось пистолет! — повелительно приказал он.

О'Рейли мгновенно обернулся и выстрелил, но слабый щелчок двадцатьпятки растворился в громе тридцать восьмого калибра.

О'Рейли разжал пальцы, его пистолет упал на пол. Потом колени бывшего полицейского, шофера и убийцы подогнулись, и он рухнул навзничь. В наступившей тишине звучал только отчаянный истерический вопль Реи.

О'Рейли прожил достаточно, чтобы дать показания и подписать их. Все оказалось так, как я и предполагал. Одетта влюбилась в него и старалась убедить бежать с ней куда-нибудь и там пожениться. Но О'Рейли уже попался в когти Реи. Идею ложного похищения выдвинула она. О'Рейли согласился убить Одетту при условии, что Рея даст ему полмиллиона долларов и найдет козла отпущения. На эту роль они выбрали меня.

Когда общая суматоха слегка улеглась, я очутился в камере и не представлял, что теперь со мной может случиться; но в том, что газовая камера мне не грозит, сомнений не было.

Я просидел в тюрьме два дня, когда меня пришел проведать Реник.

— Тебе повезло, Гарри,— сказал он.— Медоуз может осудить эту ведьму только с твоей помощью. Если ты согласишься выступить на суде со свидетельскими показаниями, Медоуз и судья гарантируют тебе свободу. Рея выставила целый полк самых опытных адвокатов, которые могут добиться ее оправдания, если только ты не выступишь с нами. Ну? С нами ты или нет?

Я не колебался ни секунды.

— Разумеется, с вами.

— Я так и думал. Вчера видел Нину. Она продает бунгало. Когда вы получите за него деньги, вам лучше будет оставить этот город и начать новую жизнь где-нибудь в другом месте.

— Незачем мне говорить это. Я уже решил поступить именно так. Могу я видеть Нину?

— Она придет после обеда.

Стоит ли продолжать дальше?

После ожесточенного судейского сражения Рею приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения. Если бы не мои показания, ей наверняка удалось бы вывернуться. Потом настал мой черед предстать перед судьей.

Он сказал все, что думал обо мне, и слова его были далеки от комплиментов. Но он напрасно терял время. Я судил себя своей совестью еще строже. Мне дали пять лет условно и предупредили, что в случае новой неприятности с законом мне придется отсидеть эти

пять лет, прежде чем начнется другой срок. Но и здесь они напрасно старались: неприятностями я уже был сыт по горло.

Единственное, что мне было нужно, это Нина и возможность начать жизнь заново.

Нина ждала меня у здания суда.

Она положила мне руки на плечи, улыбнулась, и в этот момент я понял, что новая жизнь уже началась.

Джеймс Хэдли Чейз. «ЗАПАДНЯ»

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190